

Виктория Богачева

ТРАВНИЦА И ВИТЯЗЬ

18+

Виктория Богачева
Травница и витязь

«Автор»

2026

Богачева В.

Травница и витязь / В. Богачева — «Автор», 2026

Мстислава давно забыла, как это — доверять. За ее спиной — тайна, за которую убивают, и прошлое, о котором нельзя никому рассказать. Она живет на краю леса, прячась от тех, кто идет по ее следу. Вечеслав — витязь, за плечами у которого неподъемный груз вины. Его душа расколота надвое. Он еще не знает, но Боги отвернулись от него. Однако его нечаянная встреча с Мстиславой меняет все. На княжеские земли надвигается угроза, зреет заговор, и судьба бросает травницу и витязя в самую гущу. На пути, полном испытаний, им предстоит сделать выбор: поверить друг другу и исцелить — или же потерять навсегда. Третья книга цикла "Ладожское княжество". Первая книга: Пляска в степи. Вторая книга: Яромира. Украденная княжна.

© Богачева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Сын князя I	7
Травница I	13
Наместник I	20
Княжий кметь I	24
Сын князя II	32
Травница II	39
Кметь с косой I	48
Наместник II	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Травница и витязь

Пролог

Он тащил на хребте княжича и чувствовал, как потяжелела и набрякла кровью рубаха на спине.

Если бы только это была его кровь...

Он стиснул зубы и встряхнулся, перехватив Крутояра за руку. Идти было тяжело, ноги заплетались и не слушались, но он упрямо продирался сквозь осенний лес. Опавшая листва хрустела под ногами, ветер трепал пожелтевшие кроны деревьев, и лучи закатного солнца падали на пожухлую траву. В иное время он бы непременно задрал голову и полюбовался.

Но не нынче.

— Княжич... — позвал хриплым, обессиленным голосом.

Он не слышал даже его стонов, и от одной мысли по хребту волна за волной проходила ледяная дрожь.

Князь его убьет.

Да что там.

Прежде он сам себя убьет.

— Ты...

Он едва не взвыл от радости, услышав тихое бормотание Крутояра. Забыл под ноги глядеть и тотчас за это поплатился: споткнулся и чудом не полетел в овраг.

— ... ты... прав был... не стоило идти на секача... — собравшись с силами, кое-как выдавил княжич.

— Вестимо, был прав, — хмыкнул десятник княжеской дружины Вечеслав, одурев от радости.

— Коли помру... — вновь разлепил спекшиеся губы Крутояр.

— Я тебе помру, — одернул он строго. — Не ной. Всего-то зверь подрал. Справный кметь от такого не помирает.

А вот от стрелы еще как помирает, но об этом Вячко промолчал. Княжичу, пребывавшему в беспамятстве, о таком ведать пока ни к чему. Что подрал его не только секач. Что лиходеи метил его убить, и повезло, что Крутояр дернулся, уклонился, и стрела угодила в бок, а не в сердце.

Вячко потряс головой. Он о таком мыслить тоже не станет, не до того. Им бы сперва приют на ночь отыскать... От земли ощутимо тянуло холодом. После захода солнца воздух делался сырым и пробирал до костей, а раненому княжичу требовался покой и тепло. И умелые руки, чтобы наложить повязки да стереть кровь.

Вячко мыслил, по лесу он, таща на хребте Крутояра, шатался уже не первый час. Сперва он намеренно забрел вглубь, уходя подальше от лиходея, пустившего в княжича стрелу, а теперь пытался выбраться, но сделать все хотел по уму.

Коли замыслил, кто Крутояра убить, то и сызнава попытаться могут, а, стало быть, выходить на большак* опасно. И к месту, где они лагерь разбили, возвращаться тоже было опасно, ведь лиходеи был из их отряда.

От самого княжьего терема на Ладоге вместе с ними ехал...

У десятника Вячко жилы тянуло, и зубы в крошку стирались, стоило помыслить, как близко подобрался изменник.

Вдалеке среди деревьев мелькнул просвет, и Вечеславу помстилось, что даже сил у него прибавилось.

— Княжич, — позвал он негромко и повернул голову, сиюсь поглядеть.

Крутояр кое-как разлепил губы и что-то глухо простонал.

Вячко пошел быстрее. Стекавший градом пот застилал ему светло-лазоревые глаза. Кожаный ремешок, которым перехватывали волосы, давно где-то потерялся, и медные вихры нещадно лезли на лоб. Рубаху он порвал, пока вытаскивал княжича из оврага, да и после, пока нес на хребте. Теперь же она была щедро запачкана землей, кровью и травой.

Добро, мешок заплечный сохранил. И меч, как подобало всякому воину, был при нем.

Хрипло вдохнув, Вячко сперва не поверил тому, что видел. Помыслил, леший морок наслал, потому как вдали, на опушке леса помстилась ему изба. Но он все шел и шел, а морок не исчезал, и когда оставалось две сотни шагов, княжий десятник остановился. Грязной ладонью провел по лицу, смахнув пот.

Изба и впрямь стояла на том самом месте. Добротная, но видно, что заброшенная, без крепкой мужской руки. Забор частоколом повалился, перекошенное крыльцо ушло на треть в землю, стены проконопачены были наскоро, небрежно, и всюду из щелей торчал мох.

Сощутив глаза, Вячко огляделся. И ничего, и никого не увидел. Лишь избу на опушке леса. Но коли есть изба, стало быть, поблизости должно быть поселение...

Впрочем, не ему было нос кривить. Он и мечтать о таком ночлеге не мог.

Он бережно уложил впавшего в беспамятство княжича на траву и снял с него воинский пояс, мысленно испросив у Громовержца-Перуна прощения. Потом стащил и свой, и по рукам прокатился неприятный холодок. Не полагалось доброму воину расставаться со знаком своей доблести.

Как надевали пояс мальчишке, прошедшему Посвящение, так и следовало носить его до последнего вздоха.

— Прости, Перуне, Отец небесный, — бормотал Вячко, присыпая землей и опавшей листвой два меча.

Он прикопал их недалеко от места, где стоял, на границе леса, а при себе оставил лишь длинные кинжалы. Он не ведал, кого встретит в избе — друга ли, врага ли, но ведал, что на княжича Крутояра велась охота, и решил, что лучше им представиться двумя незадачливыми охотниками, чем воинами из Ладоги.

Быстро управившись, Вячко подорвался обратно, подхватил Крутояра на руки и побежал к избе.

Замедлился он лишь у забора.

Потому что заскрипела и отворилась старая, дряхлая дверь.

И на крыльце появилась хозяйка избы.

Сын князя I

Седмицу назад

Отца, ладожского князя Ярослава Мстиславича, Крутояр нашел в гриднице. Едва сын показался на пороге, как тот резким кивком отпустил воевод, с которыми корпел над картами, а сами карты поспешно перевернул другой стороной, чтобы ничего нельзя было увидеть.

Крутояр вспыхнул, но смолчал. Когда воеводы скрылись за порогом, отец окинул сына неласковым взором.

Княжич, которому минуло пятнадцать полных зим, вскинул светловолосую голову и уставился на отца такими же, как у него, глазами. Серыми, упрямыми. Непримируемыми. Старый шрам разрубал надвое его правую бровь и спускался, к щеке. Старый шрам от старой битвы под Новым градом. С той поры прошло почти четыре зимы...

— Через пару деньков отправишься в Новый град, — сказал князь Ярослав будто бы спокойно, но в голосе тихим рокотом прокатилось недовольство.

— А ты? — дерзко, звонко отозвался княжич.

На лбу Ярослава пролегла еще одна морщина. Он поднялся с престола, что стоял посередине гридницы, и повел плечами, разгоня застоявшуюся кровь. Засиделся с воеводами...

— На границу Хазарского каганата, — промолвил спокойно.

Оба ведали, что ответ был, в общем-то, и не нужен. Все Ладожское княжество знало, куда отправится князь.

— Ты меня отсылаешь, — сын стиснул челюсть. — Чем я тебе плох?!

По гриднице прокатился утомленный вздох Ярослава. Отразился от бревенчатых стен и взлетел ввысь к деревянной крыше, к украшенным искусными узорами балкам.

Крутояр стоял, вытянувшись, и крепко прижимал к бокам руки со кулаками. Кто-то сказал бы, что в его голосе прорезалась обида. И такому смельчаку он с удовольствием разбил бы нос.

— Ты поедешь в Новый град от моего имени. Передашь послание от меня наместнику Стемиду, послушаешь, когда бояре станут держать совет, и выскажешь мою волю.

Ярослав редко говорил так много. По правде, терпения у него осталось мало. А всякий раз, как смотрел на дерзкого мальчишку, что вздумал перечить князю, оно и вовсе улетучивалось.

— Я хочу пойти с тобой бить хазар, — Крутояр упрямо набычился, — и побывать в Великой степи, а не слушать докучливых толстопузых бояр в Новом граде да...

— А ну тихо! — рявкнул Ярослав так, что в гриднице задрожали стены.

Тяжелым кулаком он саданул по столу, на котором лежали карты, и те, подпрыгнув, скапнулись на пол. С другой стороны упала перевернутая чарка, из которой выплеснулись остатки кваса.

Крутояру хватило разума прикусить язык. Он стоял близко к дверям и услышал за спиной топот шагов. Кто-то подслушивал.

— Я позабыл, давно ли Ладожским князем стал Крутояр Ярославич? — расправив плечи, мужина шагнул к сыну.

Плащ хлестнул его по ногам.

Крутояр молчал, но глаз от отца не отводил.

— Ну? — спросил тот строго. — Кто нынче на Ладого князь?

— Ты, — выдавил сквозь крепко стиснутые зубы.

— А ты кто? — Ярослав остановился в шаге от сына.

Выбеленная рубаха с нарядными узорами на вороте и рукавах выглядывала из-под плаща. На простом воинском поясе, потрепанном временем и битвами, висел меч в перевязанных ножнах. Под левую руку был закреплен нож.

Кровь ударила Крутояру в лицо, когда он поднял голову и встретился с отцом взглядом. Князь Ярослав в гневе был грозен, и уж его сын об этом ведал лучше многих.

— Княжий кметь, — тяжело обронил.

— И какое твое дело? — спросил Ярослав и завел за спину ладони.

Сын почти сравнялся с ним ростом. Еще пара зим — и вовсе перегонит. Да и в плечах, и в силе вскоре свое возьмет...

— Исполнять, что велют.

Крутояр не ведал, как смог выговорить. Слова жгли язык и переламывали его лучше всякой дубины.

— Вот и исполняй, — веско припечатал князь. — Поедешь в Новый град, — повторил он, тщательно произнося каждое слово. — Передашь послание наместнику Стемиду. Выскажешь на боярском совете мою волю. Послушаешь, когда взрослые мужи станут говорить. Может, ума от них наберешься.

Услышав последнее, Крутояр вздрогнул и вскинулся. Отец стоял совсем близко и смотрел грозно, и в серых глазах не было ни намека на улыбку. Княжич с трудом проглотил комок, застрявший в горле, и склонил голову.

— А еще раз вздумаешь мне перечить, посажу в поруб, — пригрозил напоследок Ярослав.

Приглядевшись получше к сыну, он неожиданно велел.

— Ступай-ка за мной, — и шагнул мимо Крутояра прочь из гридницы.

Они прошли по длинным сеням и вышли на гульбище, затем спустились на просторное подворье. Нынче здесь было особенно многолюдно: закончился сбор урожая, и приближались Осенины, и терем под строгой рукой княгини Звениславы готовился встречать главный осенний праздник.

Ярослав обошел огромное подворье по широкой дуге, и они оказались с «черной» стороны терема, скрытой от чужих глаз. Здесь было потише. На ристалище забавлялись на мечах воины, кто-то стрелял из лука и учился метать копьё. Кметей повсюду сопровождали мальчишки из детских — сыновья тех, кто отдал за князя жизнь. Чуть поодаль толпились, заглядываясь на мужей, хорошенькие девки.

— Бери меч. Затупленный, — велел князь, остановившись сбоку от ристалища. — И мне принеси.

Крутояр, не проронивший ни слова, как они покинули гридницу, молча подчинился. Выбрал два меча из груды тренировочных, сперва подал один отцу — рукоятью вперед, потом уже сам примерился ко второму.

На них начали поглядывать. Появление на подворье князя и княжича незамеченным остаться не могло, да и не слишком часто сюда захаживал Ярослав.

— Давай, — сказал Ярослав, сняв плащ, чтобы не мешал, и отстегнув от пояса боевой меч в ножнах. — Покажи, как намеревался бить хазар.

Вместе с кровью к глазам Крутояра прилила злость, и он бросился вперед.

Через пару зим князь Ярослав уже не сможет одержать над сыном верх на ристалище.

Но не нынче.

В первый раз Крутояр пропахал щекой пыль спустя несколько минут после того, как взялся за рукоять. Он был зол и заведен, а это — последнее для боя дело.

Он сразу же подскочил, отряхнувшись. Отец стоял от него в нескольких шагах и держал меч затупленным острием вниз. И смотрел... спокойно и устало, но холодные серые глаза пронизывали насквозь, выворачивали нутро наизнанку.

Крутояр мотнул головой, прогоняя наваждение, поудобнее перехватил меч и вновь ринулся атаковать.

Он был молод и горяч, и сейчас это ему только вредило. Злость мешала разуму, и он ошибался, слишком спешил, стремясь что-то доказать отцу, чьи слова подстегивали его раз за разом. Чуть после он остынет, и Крутояру сделается стыдно. Негоже воину так отдаваться чувствам, негоже терять разум.

«Давай. Покажи, как намеревался бить хазар».

Князь уходил от его ударов играючи. Княжича несло, и раз за разом отец отправлял его полежать в пыли. Отправлял даже не настоящими ударами, а так, тычками. То лезвием плашмя по спине приложит, то и вовсе ладонью оттолкнет...

Разум нашептывал Крутояру, что пора остановиться. Первым опустить меч, потому что юного княжича уже изрядно пошатывало, и на ногах он держался лишь благодаря стиснутым зубам. И тому, что князь так и не ударил его ни разу в полную силу.

Портки были покрыты тонким слоем пыли, рубаха — порвана на локтях и спине, а на груди испачкана кровью, что обильно сочилась из разбитого носа и длинной ссадины на щеке. Ладони — все в мелких порезах, костяшки стесаны до крови, на ребрах уже расцветали первые синяки...

Да-а. Разум нашептывал остановиться, но в груди княжича билось горячее, упрямое сердце, и обида гнала его вперед, не позволяла склонить головы.

— Довольно!

Первым не выдержал князь. Когда Крутояр, вновь оказавшись в пыли, уперся ладонями в землю, чтобы встать, его накрыл окрик отца.

Княжич вскинул голову: Ярослав стоял в нескольких шагах от него, а спустя мгновение рядом с ним приземлился тренировочный меч, который князь отбросил в сторону, словно змею.

— Довольно на сегодня, — велел он глухим голосом. — В терем ночевать не приходи, матери глядеть на тебя будет больно.

Отец и сын смотрели друг другу в глаза, пока Ярослав не развернулся и не зашагал тяжело прочь. Поднявшись на ноги, княжич склонился и уперся ладонями о колени, пытаясь отдышаться. Князь загонял его... или он сам себя загонял?..

Багряная пелена спала с глаз, в голове немного прояснилось. Боль словно вернула его в чувства, только было уже поздно.

Княжич собрался было пойти догнать отца, когда его остановил оклик десятника Вече-слава. Одного из тех, кто учил Крутояра воинской науке.

— Яр! — тот, едва спешившись, широким шагом пересекал подворье. — Это кто тебя так извалял?! — он улыбнулся, но веселье стекло с его лица, когда Вячко проследил за взглядом воспитанника и увидел широкую спину князя. — Что натворил? — спросил требовательно.

— Ничего! — Крутояр дернул плечом, пытаясь стряхнуть руку наставника, но не вышло. Хватка у Вячко была железной.

— А от князя за что получил? — усмехнулся тот.

— Он меня в Новый град отсылает, — отозвался княжич без следа прежней злости.

Теперь где-то в груди у него глухо царапался стыд.

Вячко вздернул светлые брови и покачал головой.

— Идем, — потянул воспитанника за плечо, которое все еще сжимал. — Умoeшься хоть.

Вдвоем они дошли до огромной бадьи, в которую холопы каждое утро натаскивали свежую воду. Взяв черпак, Вячко от души облил пыльного княжича, чтобы тот смыл грязь и кровь с лица и волос. Крутояр фыркал и шипел, когда холодные струи попадали на места, где была содрана кожа, но старательно тер ладони и щеки.

Выпрямившись, он скривился. Накрыла запоздалая боль от ударов по ребрам и спине.

— Благодарю, — ответил степенно, выдержав прищуренный взгляд Вячко.

Оглядел себя: в разодранной, окровавленной, а нынче еще и мокрой рубахе он больше походил на бродяжку, чем на княжича. Вдохнув, Крутояр развернулся и зашагал в сторону клетей, где прямо при тереме спали и жили неженатые воины.

— Ты куда? — окликнул его насмешливый голос Вячко.

Княжич запоздало пожалел, что не дождался, пока тот сперва уйдет да в спину ему глядеть престанет.

— Князь не велел в тереме ночевать, — но остановился и ответил, как полагалось.

И услышал позади себя добродушный смех, от которого опять все в душе вскипело.

— Идем уж, — пробасил Вячко, — у нас поспишь.

Крутояр собрался отнекиваться, но кметь, не став его слушать, уже зашагал вперед, уходя с подворья, и ему ничего не оставалось, как пойти следом. Голова гудела, хотя по ней князь вроде не ударял. На душе что творилось — описывать стыдно! Он воин, княжич, а терзается хуже девки! Сестра его сопливая и то разумнее себя вела.

Но как, как, Боги милостивые, он мог оставаться спокоен, когда отец отсылал его в трижды клятый Новый град, а сам уводил войско в Великую степь, бить хазар?! Еще и брата молодшего с собой в поход брал, а его, старшего сына, наследника, будущего князя, — нет?! Ему предстояло слушать толстопузых бояр, которых отец сам терпеть не мог, да тащиться в Новый град, от которого княжича воротило.

И даже то, что повидается он с воеводой Стемидом, которого князь Ярослав там вместо себя посадил наместником, не шибко Крутояра радовало.

От этих мыслей делалось тошно, и княжич смурнел с каждым шагом. Он видел себя на вороном коне, бок о бок с отцом, со вздетым мечом, в окружении дружины, в разгар битвы. У него в голове свистели стрелы, пел боевой рог, раздавались звонкие кличи, и звенела сталь соприкоснувшихся мечей... Он сидел вечерами у костра, делил с воинами черствые лепешки и с трудом жевал жесткое, вяленое мясо, он спал под звездами, укрывшись плащом и подложив под голову переметную суму. Он умывался по утрам ледяной водой из ручья и тайком от отца согревался по вечерам крепким питейным медом.

Но ничего из этого не будет. Не будет, потому что князь отправлял его в Новый град, и у Крутояра лишь от одной мысли сводило зубы от скуки и раздражения!

— Сыночек! — женщина во вдовьем уборе всплеснула руками, когда Вячко и Крутояр переступили порог сеней. — Княжич! Да что же ты не сказал, что гость у нас будет, я и не готовила ничего, — мгновенно засуетилась Нежана Гориславна.

— Я и сам не ведал, — Вячко пожал плечами, скинул плащ, расстегнул воинский пояс и с наслаждением потянулся.

Крутояр топтался на пороге, чувствуя себя дурак-дураком. Внимательный взгляд женщины скользнул по нему, но Нежана ничего не сказала насчет разорванной, вымокшей рубахи да разбитого лица.

Она сама много зим ходила мужатой за княжеским воеводой Будимиром да растила двух сыновей, потому и ведала, как оно бывает.

Да. Четыре зимы минуло с битвы под Новым градом, в которой погиб ее муж. Погиб, заслонив собой от вражеского копья их старшего сына Вечеслава. Прошло четыре зимы, а болело у Нежаны, словно все случилось накануне.

Встряхнувшись, она поправила вдовий убрус и постаралась улыбнуться и Вячко, который слишком пристально всматривался в ее лицо, и княжичу, так и застывшему на пороге.

— Сынок, сходи, подыщи для нашего гостя рубаху, — деловито распорядилась Нежана и вернулась к печи. — А ты проходи, проходи, — поторопила мнущегося Крутояра, — долго еще матицу станешь собой подпирать?

Тот вздрогнул едва приметно, но вперед все же шагнул и поклонился избе и хозяйке.

— Садись, садись за стол, — вновь подтолкнула его Нежана, а сама загремела горшками и ухватом возле печи.

Избу для своей семьи возвел сам воевода Будимир. Он мыслил, что двое сыновей обзаведутся женами, и представлял, как будет нянчить внуков, когда одряхлеет и оставит ратное дело, и потому выстроил ее просторной, в шесть стенок. Помимо горницы, где стояла огромная печь и вся семья собиралась за трапезой за широким дубовым столом, была в избе также и прохладная клеть, и две светелки поменьше.

Но воевода Будимир так и не увидел внуков, и лишившаяся хозяина изба осиротела, как и его жена и сыновья, оставшиеся без мужа и отца. За четыре минувших зимы Нежане не удалось оженить ни одного из них, и порой она заглядывала в глаза старшего, Вячко, который знал себя виноватым в смерти отца, и наталкивалась в них на такую корку льда, что ей делалось страшно...

— Держи-ка, примерь, — Вечеслав вернулся в горницу и протянул княжичу рубаху молодшего брата, который все лето провел на северной границе Ладожского княжества, служа в дружине, и домой должен был вернуться лишь к зиме.

Крутояр едва не закричал, словно старик, когда, приняв рубаху, задрал руки, чтобы скинуть свою.

Вячко, разглядев синие отметины на его ребрах, что уже проступили, присвистнул и покачал головой.

— Вот тебе и наиглавнейшая воинская наука, кметь, — насмешливо произнес он. — Не перечь князю.

Крутояр проглотил все слова, которыми хотел огрызнуться. Вячко был ему наставником, а с наставниками полагалось помалкивать.

Впрочем, как и с князем.

— Ничего, до свадьбы заживет! — подоспевшая Нежана принялась расставлять плоски и чарки.

Затем она вытащила из печи горшок с рассыпчатой, ароматной кашей, щедро сдобренной маслом, и поставила каравай, который испекла как раз перед вечерней трапезой.

Когда все уселись и взялись за ложки, Нежана, подперев ладонью щеку, с улыбкой наблюдала, как шибко орудовали ими княжич и сын. Она моргать не успевала, как исчезали здоровенные куски каравая. Особенно налегал на снесь проголодавшийся Крутояр. Правда, жевать ему приходилось через боль.

Утолив первый голод, княжич вдруг заметил, что сам сидел на лавке, что стояла ошуюю торца стола, а Вячко и Нежана Гориславна — одесную. Место главы семьи, место по центру, которое прежде занимал воевода Будимир, пустовало.

Запоздало в груди у Крутояра засвербело. Он злился на князя, даже обижался, что было, вестимо, недостойно. Но у него был отец, на которого он мог злиться.

А у Вячко отца не было. Больше не было.

Вздохнув, Крутояр принялся шумно дуть на кашу, которую зачерпнул ложкой и поднес ко рту, но так и застыл, задумавшись.

После трапезы, когда Нежана убирала со стола, Вячко пошел подрубить дров, и княжич выскользнул следом за ним из избы. На горизонте совсем недавно догорело солнце, и вокруг медленно сгущалась темнота. Он сел прямо на крыльце, положил локти на согнутые колени и принялся наблюдать за тем, как мерно кметь вздымал и обрушивал на бревна тяжелый топор.

В какой-то момент, заметив его взгляд, Вячко остановился.

— Будешь? — спросил, и Крутояр кивнул, хоть и знал, что назавтра горько пожалеет о своем решении, когда будет болеть избитое и натруженное тело.

После первого удара, расколовшего бревно пополам, княжич ощутил, как внутри словно оборвался тетива. После второго оборвалась еще одна. Каждый раз, как под ноги падали новые колья, он чувствовал, как ему становилось легче. Уходила царившая на душе злость, выплескивалась ярость, которая терзала сердце, исчезал гнев, но вместо них появлялось сожаление.

«Завтра пойду и повинюсь», — думал он, сдувая упавшие на глаза волосы и чувствуя, как по вискам стекает пот.

Крутояр почти закончил с дровами, когда в забор, которым была обнесена изба, поскребся еще один неожиданный гость. Вячко только закатил глаза, первым разглядев меньшого брата своего взмыленного воспитанника, княжича Мстислава. Тот скользнул на небольшое подворье, прижимая к груди какой-то сверток.

Заметив брата, Крутояр с досадой отложил топор. И вновь в лицо ударил стыд. Он ведь осерчал на него за то, что тот отправится с отцом в Великую степь.

— Я тебе рубаху принес, — сказал Мстислав, топчась на месте под насмешливым взглядом Вечеслава. — Мне воительница Чеслава как сказала, что ты с батюшкой повздорил, и он тебя из терема прогнал, я сразу же сюда.

— Не прогнал, — пробормотал Крутояр, пряча от брата вспыхнувшее лицо. — Велел не ночевать, чтобы мать не тревожить. Давай сюда рубаху, — он подошел и протянул руку, и Мстислав с готовностью сунул ему мягкий сверток.

— Я не просил его, чтобы меня вперед тебя взял, — прошептал, чтобы лишь старший брат услышал.

Прежде Крутояр мыслил, что шибче покраснеть уже не выйдет, но в том он ошибся.

Вышло.

И вроде не девка, чтобы от любого слова вспыхивать, но стыд жег лицо, и никакого слada с этим не было.

— Я о таком и не мыслил! — поспешно солгал он, и оттого вышло грубее и резче, чем следовало.

Мстислав выдохнул и заметно повеселел.

— А может, я здесь вместе с тобой переночую? Я и в клетки могу, — и он с надеждой уставился на Вечеслава, но тот лишь постучал себя ладонью по лбу.

— Ты думай, что говоришь, — присоветовал строго. — Ступай-ка в терем, княжич, пока я тебя не взялся учить.

Улыбка стекла с губ Мстислава, и он пригорюнился. Потом бросил на старшего брата еще один озорной взгляд, махнул Вячко рукой и заспешил обратно к забору.

Проводив его взглядом, кметь вздохнул.

— Все, спать, — велел и отобрал у Крутояра топор.

Травница I

Ближе к рассвету она вновь проснулась от страшного сна, который приходил к ней каждую седмицу вот уже почти четыре зимы. Под осень, как нынче, болело особенно сильно.

Тогда тоже была осень...

Тихо, чтобы не разбудить спавшего рядом брата, она слезла с полатей над печкой и бесшумно спрыгнула на дощатый пол. На скамье вдоль стены тихо посапывал дед Радим.

В горнице было холодно, по полу тянуло сквозняком, и она поджала босые ноги, поспешила скорее сунуть их в обувь, затем надела поневу из плотной, грубой ткани с поблекшим от времени узором. На плечи поверх рубахи лег платок.

Матушкин.

Она замерла, прислушиваясь. Ветер свистел снаружи их избенки на опушке леса и проникал внутрь сквозь щели меж бревнами. Они конопатили их той осенью, но вышло худо. Придется переделывать, иначе зимой из-за лютой стужи им несдобровать.

Она с досадой прикусила губу и подошла к стене, приложила ладонь к холодному срубу. И сразу же почувствовала дуновение ветра. Ей самой да меньшому братишке да старику Радиму не хватило сил и сноровки, чтобы проконопатить избу, как должно. Мох-то они собрали и высушили, паклю разорвали, все смешали, а плотно-плотно забить между бревнами да в щели не сдюжили.

Под крышей так и вовсе, дыры остались. Как до нее достать-то было?

Придется идти на поклон к старосте, просить, чтобы кто-то подсобил...

А староста ее не любил.

Та, которая прежде звалась Мстиславой, а нынче откликалась на простецкое имя Умила, хмыкнула.

Она тоже не любила старосту, только вот давно минули те времена, когда к ее словам прислушивались.

Первым делом Мстислава разожгла печь: выгребала остатки золы с вечера, подложила поленьев и раздула огонь, чтобы отогнать ночной холод и вскипятить воду. Печь — сердце избы и верный помощник во всем: и еду приготовить, и травы высушить, и погреть озябшие ладони.

Неслышно скользя по крохотной горнице, Мстислава поглядывала на полати. Младший брат сладко сопел, и ей сделалось жаль его будить. Вздохнув, она толкнула дверь в сени, подхватила коромысло и вышла во двор. Лицо обжег прохладный утренний воздух; на щеках тотчас обозначились два пятнышка румянца. Небо было серым, и только понизу золотилась полоска, словно кто-то осторожно поджег горизонт. Но солнце еще не встало и не согрело землю, и все вокруг казалось студеным.

Скоро справят Осенины, а за ними уже рукой подать до зимы...

Перекинув за спину длинную, толстую косу Мстислава заспешила к колодцу. Изба стояла на отшибе, и путь был неблизким. Но тогда, четыре зимы назад, когда они появились в этой общине, она была рада и такой малости. Рада, что им — трем чужакам, девке, мальчишке да старику — дозволили остаться, дозволили поселиться здесь.

Могли ведь и прогнать, время тогда было лихое. И страшное.

Да.

Мстислава-Умила сполна вкусила это на собственной шкуре.

Каждый раз под осень воспоминания накатывали особенно сильно, и никак не получалось от них спрятаться.

Она тряхнула косой и поудобнее перехватила коромысло. Деревня уже не спала, из дымоходов поднимался прозрачный, сизый дым: хозяйки растопили печи.

У колодца уже стояла Ждана, старшая из семьи кузнеца. Румяная, с приоткрытым платком, ведро у ног, руки в боки — видно, запыхалась, пока ведро поднимала.

— Утречко тебе, — сказала она. — А я как раз тебя вспоминала.

Мстислава кивнула в ответ, молча взяла ворот* и начала опускать ведро.

— У нас мать просила узнать... ты ту мазь еще варишь, что от ожогов? У дядьки Молчана младший в печку ладонь сунул, дурень. Кожа пузырем, орет с ночи.

— Варю, — тихо ответила Мстислава. — Сосновая живица вся вышла, но вчера в лесу нашла чуть-чуть. Принесу к вечеру, пусть не мажут ничем до того.

Ждана согласно кивнула и немного помолчала.

— А еще... — она понизила голос, глядя в воду. — Ты не слышала, чтоб по деревне кто-то ходил ночью?

Мстислава подняла глаза. Ждана избегала ее взгляда, будто сама пожалела, что спросила.

— Ветра много было, — сказала травница. — А кто ходил, тот не постучался.

— Ну да, — быстро отозвалась та. — Я ж так, просто... вдруг. Верно, Леший перед Осенинами пошालить решил, напоследок.

Мстислава вынула ведро, поставила на землю. Ждана взяла свое, и, не глядя больше в ее сторону, пошла прочь. Платок на затылке чуть сполз, из-под него выбились светлые волосы.

Травница же осталась у колодца и заглянула в ведро. Вода в нем дрожала. Мстислава смотрела, как в глубине отражаются облака и зыбко колышется собственное лицо.

Кто ходил ночью? Не причудилось ли это болтливой Ждане?..

Прежде она боялась каждого шороха, каждого шелеста. Собственной тени страшилась. Но в последнюю зиму малость отпустила, Мстислава успокоилась, начала забывать. И вот, вновь накатил липкий, удушающий страх.

Как в тот вечер, когда они бежали из отданного на разграбление и поругание Нового града...

Она смахнула с лица темные прядки — даже этим она отличалась от всех местных. Светловолосых, как один. Подхватила коромысло и спешно, как могла, направилась в избу.

— Мила! — оклик прозвучал весело.

Но она притворилась, что не слышит, даже не обернулась — ускорила шаг, коромысло слегка качнулось на плечах, вода перелилась через края и выплеснулась ей под ноги.

— Ну чего ты, подожди, — продолжил голос, и через пару мгновений сбоку вынырнул долговязый Славута с добродушной улыбкой. — Я ж подсобить хотел, ведро у тебя взять.

— Сама сдую, — отрезала Мстислава, не замедляя шага.

— Ну, ты гляди, — не обиделся он, сунул руки за спину и пошел подле. — Только я все равно провожу. Баба одна не должна быть. Вот хоть ты мне скажи — я ж тебе как родной. А ты молчишь вечно, как будто не своя. Если помощь потребна — дров наколоть, крышу подлатать...

— Не нужна, — резко сказала она.

Он на мгновение замолчал. Даже с шага чуть сбился. Потом вымученно усмехнулся.

— Ну, ладно... Все равно доведу.

Они подошли к ее избушке. Мстислава поставила ведра у крыльца и обернулась — Славута стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— А братишка твой, чего не подсобляет? Все сама да сама, — бросил он ожесточенно.

Мстислава устало вздохнула и подняла на него темный, глубокий взгляд.

— Я ведунья, али ты забыл? Такие, как мы, дружбу ни с кем не ведут! И ты ступай себе, подобру-поздорову.

Славута вздрогнул и попытался это неумело скрыть. Он постоял еще немного, почесал шею, хотел что-то сказать, но махнул рукой.

— Сама ведь виновата, — буркнул напоследок и побрел прочь.

Тяжело вздохнув, Мстислава опустила на крыльцо рядом с ведром и обняла коромысло. На душе было тоскливо.

Но долго тосковать и горевать ей было некогда, потому что, пока она ходила к колодцу, проснулись младший братишка и дед Радим.

— Мстиша, — мальчик подсел к ней на крыльцо под бок и назвал домашним именем.

Прежде в Новом граде так ее звали мать с отцом да маленький Лютобор.

— Пошто ты одна ходила? — спросил с укоризной. — Разбудила бы, я бы подсобил.

Травница улыбнулась и, не сдержавшись, взлохматил братишке темные волосы на затылке. Лютобор, фыркнув, уклонился.

— Отец велел тебя беречь! — сказал упрямо и выпятил нижнюю губу.

Под осень тяжелые воспоминания накатывали не на одну Мстиславу.

Не желая размышлять об этом, она поднялась и хлопнула себя ладонями по бедрам.

— Ну, коли так, то затаскивай ведра в избу.

Лютобор резво подскочил следом и взялся за коромысло. Травница проводила его взглядом и все же вздохнула, не сдержавшись.

Братишке едва минуло шесть зим, когда в Новом граде обосновались проклятые норманны, люди с севера. Рюрик и его братья... Ей самой — шестнадцать, девка на выданье, невеста! Да-а-а, отец-воевода просватал Мстиславу за боярского сына, только он тогда не ведал, что этим погубил свою жизнь...

Да она сама ни о чем таком не мыслила. Не ходила, летала над землей, окрыленная, влюбленная до дрожи в жениха. Это уже потом у Мстиславы на многое глаза открылись, много мелочей да странностей она припомнила, лежа долгими зимними ночами на жестких полатах в этой маленькой избушке на краю леса.

Нынче-то она была в бедах закалена, горем вразумлена.

Только уже поздно.

Осердившись на саму себя, что напрасно бредила сердце, Мстислава шагнула в избу. Пока дошла до печи, искоса посмотрела на деда Радима. Седовласый, седобородый старик, который спас их с братом в ту страшную ночь и подсобил сбежать из Нового града, угасал на глазах, и не было на свете такого снадобья, которое могло бы ему помочь.

Мстислава испробовала уже все, что знала и умела. В какие лесные дебри ни заходила, выискивая редкие травы; какие только не готовила для него отвары. Дед Радим угасал, прожитые зимы брали свое.

Вот и нынче он даже не мог подняться с лавки, так и сидел, и тяжело, хрипло дышал. Порой одолевал жесточайший кашель, и тогда на тряпицу, которой он вытирал рот, попадали багряные капли крови.

— Боярышня, голубка, — позвал старик, увидев ее.

Мстислава не осмелилась сказать ему, чтобы не называл ее так. Была боярышня, воеводина дочка, да вся вышла. Осталась лишь деревенская травница из глуши.

— Сядь посиди со мной, — дед Радим похлопал по лавке.

Мстислава бросила тоскливый взгляд на печь, в которую она не успела отправить горшок с кашей, и послушно подошла к старику и опустила рядом. Она посмотрела на его ладони: высохшие, изборожденные толстыми жилами.

Когда-то он учил воинской науке отца Мстиславы! Да он братцу ее еще сам вложил в руку его первый, деревянный, детский меч. Но как сбежали они из Нового града, так и начал дед Радим угасать.

— Голубка, чую я, что недолго мне осталось. Приберет меня к себе Громовержец Перун, покровитель всех воинов. Худо я ему послужил...

— Ты что, дедушка, — прошептала Мстислава и порывисто схватила его руку, сжав между ладонями.

— Да ты и сама все видишь, голубка. Дар-то свой от матушки унаследовала, — дед Радим пожурил ее как маленькую. — Ты не серчай на меня, дурака старого, да не держи зла, что ни отца вашего не сберег, ни тебя с Лютишей.

— Ты сберег, сберег, — порывисто проговорила Мстислава. — Вывез нас оттуда...

— А следовало порубить всех этих смердящих псов, всех неверных бояр, жениха твоего да с его отцом! — разбушевался дед Радим, но вскоре скрутил его хриплый, жуткий кашель.

В избу со вторым ведром как раз ступил Лютобор. Он вскинул на сестру взволнованный взгляд, но она лишь качнула головой, не выпуская руку старика из ладоней.

— Но я не порубил... слаб стал... — кое-как произнес он, с трудом отдышавшись.

Говорил он натужно, со свистами да хрипами, и замолкал после каждого слова, чтобы перевести дыхание.

— Ты нас сберег, — повторила Мстислава твердо. — А что до отца с матушкой... тут уже только Боги однажды рассудят, какую кару заслужил Станислав, — ненавистное имя жениха, который стал подлым предателем, она выплюнула.

— Не токмо Боги, голубка, — дед Радим покачал головой. — Ты уж не гневайся на старика, что не сказывал тебе прежде, но... но чую, что помру вскоре, нет мочи терпеть... сберег я ту грамотку...

— Какую грамотку? — влез в разговор Лютобор.

Ему не полагалось, конечно, но уж слишком сильно взбудоражили его речь деда Радима.

— Ту самую, из-за которой вашего батюшку и погубили... — просипел тот и вновь закашлялся. — Которую искали у него да не нашли. Сдюжил мне ее передать... — сказав это, старик вдруг осел в руках Мстиславы и завалился на бок, схватившись за сердце.

Сестра и брат тут же всполошились, Мстиша велела смочить рушник холодной водой и обтирать лицо деда Радима, а сама метнулась к своим горшочкам да травам, что сушились под низким потолком. Руки дрожали, не слушались, она замешивала отвар и обильно смачивала его своими слезами, шепча заговоры, которым давным-давно научила ее мать.

И, верно, Боги рассудили, что время Радима еще не наступило, потому как вскоре хрипы его затихли, а сам старик провалился в сон. Крепкий, добрый сон. Он почти не кашлял и больше не хватался за сердце, и не метался по лавке. На сухих устах мелькала даже улыбка; верно, видел он что-то хорошее.

Мстислава и Лютобор не находили себе места. Она — потому что волновалась за старика, как за родного дедушку, которым он стал ей за минувшие четыре зимы. А он — потому что слышал про грамотку, с помощью которой можно было отомстить убийцам отца.

— Мстиша, мы вернемся в Новый град, покажем грамотку наместнику, расскажем, как было! — взволнованно, торопливо говорил Лютобор.

— Ты думай, что болтаешь! — шипела на него Мстислава. — Окстись! Нет нам пути в Новый град, убьют раньше, чем головы поднимем. Отца сгубили, мать нашу, а ты мыслишь, ты да я сдюжим?!

Она горько качала головой. Брат ее — сущий мальчишка! Лютый ужас той ночи запомнил плохо, уж тут она сама расстаралась, прятала его под платком своим, лицо к себе прижимала, запрещала по сторонам глядеть. Вот и не мыслил, о чем болтал.

День, полный смятений, закончился быстро, Мстислава позабыла про обещания, которые давала Ждане у колодца. Какой там! Она от лавки, на которой спал дед Радим, не отходила, к дыханию его с замиранием сердца прислушивалась.

Но под вечер ее отвлек Лютобор.

— Мстиша, — позвал ее брат из сеней.

Он стоял рядом с дверью, припав к ней лицом.

— Что ты там выглядываешь? Лешего? — спросила она устало, но все же подошла.

— Сама посмотри.

Мстислава прижалась глазом к щели, худо проконопаченной, и обомлела.

К их избушке брел, спотыкаясь, незнакомец.

И на своем хребте тащил раненого парнишку.

Оцепенев, Мстислава часто-часто заморгала. Затем нащупала под рубахой свой женский оберег, лунницу, которая досталась ей от матушки, крепко сжала и принялась шептать обережные слова от Лешего. Все знали, что под осень Хозяин лесов становится особенно зол и могуч. Готовится он к долгой зимней спячке, а потому лютует. Может и морок наслатъ, а может — и в чашу заманить, заставить плутать без деревьев, пока не забредешь все глубже и глубже, туда, откуда уже никогда не выберешься.

И потому, увидав двух незнакомцев, что брели к избе от леса, Мстислава перво-наперво рассудила, что с ним вздумал шутить Леший.

— Как водица светла, как зоря красна, так уйди, лешачий морок, с моих глаз, — прошептала она трижды, но ничего не изменилось.

В косых лучах закатного солнца крепкий, сбитый мужчина продолжал тащить на хребте юношу, все приближаясь и приближаясь к избушке.

— Стой здесь, — велела братцу Мстислава и метнулась в горницу, сняла с полки берестяную бадью, в которой хранила заговоренную на трех ключах воду, и походя прихватила пушистую еловую ветвь.

— Куда ты?.. — успел выкрикнуть ей в спину Лютобор, но травница уже распахнула дверь и выскочила на крыльцо и решительно зашагала к двум наваждениям, намереваясь окропить их водой.

Но чем ближе подходила, тем беспокойнее становилось на душе. Она слышала, конечно, рассказы про лесовиков да мавок, как заговаривали они усталым путникам зубы да утягивали за собой в чашу или топъ, но...

Совсем не были похожи на мавку двое незнакомцев. Тот, который шагал, завидев ее, и вовсе остановился, обомлев. Словно и не мыслил повстречать кого-то на лесной опушке на отшибе.

Мстислава нахмурилась, и высокий, красивый лоб прорезала длинная морщинка. Одной рукой она прижимала к себе берестяную бадью, другую уперла в бок, стараясь глядеть погрознее.

Подумала, что успеет убежать, коли нужда будет. До деревни не сильно близко, но и не далеко, а мужчина, что так и не тронулся с места, выглядел порядком уставшим и измотанным. Не шибко лучше, чем тот, которого он держал на спине.

— Здрава будь... девица... — проговорил негромко чужак.

Он шурился, всматриваясь в лицо Мстиславы, и ей это не пришлось по нраву. Повела пушистыми бровями, отчего те сошлись на переносице.

— И ты здрав будь, коли не шутишь, — все же отозвалась нехотя.

Никакая мавка не посмела бы так говорить с человеком. Стало быть, все же не морок, посланный Лешим.

А жаль...

Коли не морок, стало быть, чужак из плоти и крови обивал порог небольшой избы Мстиславы. И выглядел — хуже некуда. Еще и второго незваного гостя на спине тащил.

Вскинув подбородок, она принялась рассматривать незнакомца. Растрепанный, рубаха испачкана бурыми, подсохшими пятнами, а еще травой и землей. В нескольких местах порвана, но наметанным глазом Мстислава оценила узор, положенный по вороту и рукавам.

Не простой узор, бережный. И не здешний. Мастерица в этих землях так не вышивали. Стало быть, и впрямь чужак.

В груди заныло что-то тягостное, тоскливое. Мстислава не была настоящей ведуньей, как ее матушка, она унаследовала лишь крохи дара, но порой что-то увидеть удавалось и ей. И вот нынче, когда смотрела она на чужака, ей делалось больно. Что-то в нем было не так. А вот что — она сказать не могла.

Перехватив ее взгляд, незнакомец с досадой тряхнул распущенными волосами, что в лучах закатного солнца отливали яркой медью.

— Меня Вячко кличут, — заговорил он, и вот голос его Мстислава понравился.

Гортанный, глубокий, низкий.

— Приятеля моего... кабан на ловите подрал. Нам бы на ночь приют отыскать. Пустишь в избу? Хоть в клеть?

— Нет, — выдохнула Мстислава, не задумываясь.

И на шаг отступила, еще крепче прижав к себе берестяную бадью.

Чужак запнулся, услышав ее ответ, словно на стену с размаху налетел.

— Я... я оплачу, — проговорил сквозь зубы и боль. Он повел плечами, поудобнее перехватив юношу, которого держал на спине. — В долгу не останусь.

— Нет, добрый человек, — повторила Мстислава твердо. — Ступай своей дорогой, а ко мне в избу не ходи.

Затем развернулась и побежала. Влетела на крыльцо и, плотно прикрыв дверь в сени, прижалась к ней худыми лопатками, тяжело, загнанно дыша.

— Мстиша? — Лютобор уставился на нее широко распахнутыми глазами. — Кто они? Чего надобно им было?

— Не ведаю, — проговорила хрипло и, войдя в горницу, разом осушила ушат воды.

В горле и во рту пересохло, словно не пила она уже долгое время.

— А хотели чего? — не унимаясь, Лютобор следовал за сестрой по пятам.

— Ночь переждать под крышей.

— А ты?

— Видишь же, — хмыкнула она и провела тыльной стороной ладони по губам, — одна вернулась.

— Прогнала их? Прогнала тех, кто попросил крова? — ахнул мальчишка и бросился к небольшому оконцу, затянутому бычьим пузырем.

— Это чужаки, — просипела Мстислава, которую по-прежнему колотила странная дрожь. — Их могли и подослать.

Рассказывать меньшому братцу о том, что у нее дыхание сковало при виде чужака, она не стала. Как и о том, что было в нем что-то не так.

— Там ранен один, я разглядел, пока у двери стоял, — заупрямился Лютобор.

Он нахмурился, тотчас напомним сестре отца.

— Это против воли Богов, — торопливо заговорил брат. — Велено же, не отказывать в приюте просящим.

— Мал ты еще, чтобы о таком рассуждать, — огрызнулась Мстислава, но уже не сердито.

И со вздохом прикусила губу.

— И ты Великой Макоши клялась, что станешь помогать всякому, кто попросит... — Лютобор смотрел на сестру горящими, перепуганными глазами.

Все знали, что бывает с теми, кто идет против воли Богов и не исполняет данные им клятвы.

Мстислава устало прислонилась щекой к прохладному срубу, который так и не прогрелся. Печь они особо не топили, сберегали дрова на зиму.

— Пусть разделят с нами хлеб, — Лютобор подошел к ней и скользнул под руку.

Говорил он и вел себя нынче не по зимам разумно. Не сдержавшись, Мстислава растрепала его темные, как и у нее, волосы.

— Зови меня Умиллой, — велела она строго. — Да смотри не оплошай.

Тот часто-часто закивал. Мстиша же вновь вышла в сени, а затем на крыльцо. В груди неприятно кольнуло, когда увидела она, что совсем недалеко от избышки ушел чужак. Нынче она глядела ему в спину и замечала, как припадал тот на одну ногу при каждом шаге, как неповоротливо двигался. И вновь на душе заворачалось что-то тягостное. Предвестник неминуемой беды.

— Погоди! — выкрикнула она тонко, сипло и сама не узнала свой голос. — Погоди, добрый человек! — повторила и сделала два шага вперед, спустилась с покосившегося крыльца. — Проходи, гостем будешь.

Вячко, — припомнила она. Его зовут Вячко.

Чужак тотчас остановился и повернулся. Долго глядел на нее, прищурившись. Затем кивнул сам себе и зашагал к избе.

Наместник I

Когда дверь в терем с грохотом распахнулась, Рогнеда не повела и бровью. Услышала тяжелую поступь мужа и только нахмурила светлый, высокий лоб. Стемид, воевода князя Ярослава Ладожского и его верный советник, а ныне — наместник от его имени в Новом граде — ввалился в горницу и сорвал с себя плащ, отшвырнув на лавку возле стены, словно ядовитую змею. Под плащом оказалась нарядная рубаха с развязанным воротом: видно, не единожды дергал его Стемид, пока шагал домой из просторных палат, где собиралось новгородское вече.

Девки-прислужницы испуганно замерли, наблюдая за хозяином, пока тот не осел тяжело за стол, положив на столешницу кулаки с проступившими жилами. Жестом прогнав застывших, вылупивших глаза дурех, Рогнеда поднялась с лавки и подошла к мужу, сама придвинула к нему горшок с наваристой похлебкой и плеснула в чарку прохладного взвара. Движения ее были плавными, лебяжьими, а поступь — легкой, почти бесшумной. Только шелестел по полу подол, вторя ее шагам.

Охолонув слегка, Стемид поднял на жену взгляд и провел ладонью по лицу, по короткой рыжеватой бороде и покачал головой.

— Совсем распоясались, — пробормотал он глухо, сквозь стиснутые зубы.

Повел широкими плечами, разгоняя по телу кровь, и осел, словно высказавшись, утратил всю злость, что клубилась в груди.

Рогнеда, помедлив, вернула на стол поднятый кувшин и, подойдя к мужу со спины, положила ладонь ему на плечо. В тереме она не надевала кiku, и две тяжелых, черных косы лежали на ее груди, униженные нарядными бусинами и лентами.

— Расскажи.

— Каждый на себя так и норовить тянуть, кусок послаще отхватить. Время на Ладогу подводы отправлять, а они наполовину пусты! — и Стемид стукнул кулаком по столу так, что чарки и миска задрожали. — С посадником от бояр никакого слада нет, только монеты из сундука берет!

Рогнеда изогнула брови. Она родилась дочерью князя, княжной далеких южных земель, и привыкла к тому, что бояре всегда искали кусок пожирнее да послаще и мutilовали воду. Муж же ее, который всю жизнь прослужил в дружине, сперва отроком, потом кметем, десятником, сотником и воеводой, привык к иному. Рубить сплеча да рубить врага мечом на ратном поле.

В искусных, липких сетях, что плели бояре, разбираться ему было тяжело.

Но никого вернее и ближе у князя Ярослава Ладожского не осталось. И потому, после того как четыре зимы назад они одолели норманнов в битве у Нового града, править от своего имени Ярослав отправил воеводу Стемида. Нынче тот звался наместником и вместе с еще двумя мужами сидел в новгородском вече.

— Хотят сызнова взимать плату с ладожским купцов, что на торг приезжают!

— Людская память коротка, — промолвила Рогнеда.

Стемид мрачно кивнул и накрыл ладонь жены, что по-прежнему лежала у него на плече, рукой.

— Очень коротка, любушка, очень коротка. И пяти зим не минуло, как позабыли, кто спас их от норманнов. Чье войско полегло под клятыми стенами.

Ладожское войско. Войско князя Ярослава.

— Черед настал ополчение созывать — поглядела бы ты, кем хотят откупиться бояре, — Стемид покачал головой, отчего растрепались волосы, перехваченные на лбу ремешком. — Оружие — словно в земле добрую дюжину зим пролежало. Мечи проржавели насквозь.

— Это не дело, — Рогнеда тряхнула тяжелыми косами и, отпустив мужа, села ошуюю за сто. — Коли ты им нынче на место не укажешь, дальше лишь хлеще будет. Скоро вече, с отцовской волей приедет княжич Крутояр...

Стемид досадливо махнул рукой и залпом осушил чарку.

— Легче с хазарами да норманнами управиться было, чем с новгородским людом.

Челюсть его вновь была сжата, плечи напряжены, а в теле чувствовалась та усталость, что бывает не от трудов, но от бессильной ярости.

Рогнеда молча подлила ему кваса. Она не спешила заговорить. Лишь когда муж с тихим вздохом обхватил голову ладонями, произнесла негромко.

— Ты хочешь рубить. А тут — не мечом побеждают.

Стемид глухо хмыкнул, но не ответил.

— Помнишь, как ловят мышей в житнице, чтобы не грызли зерно?

— Ловушки ставят, — буркнул наместник. — Приманивают. А потом...

— Вот и ты так, — Рогнеда подалась вперед, ее голос стал тише. — Дай приманку — и погляди, кто первым лапу протянет.

Стемид медленно повернул к ней голову.

— Пусти слух, — продолжила она, не отрывая взгляда, — будто из Ладоги придут в Новый град болгарские купцы. Привезут меха, пряности да золото. Мол, торг будет знатный.

— И что?

— А то, что бояре, те, что жадны, руку свою не удержат. Кто пошлину вздумает удвоить. Кто подослать людей, чтоб урвать кусок побольше. Кто слово шепнет, где и что перехватить. Ты же — поглядишь.

Молчание повисло между ними. Затем Стемид выпрямился, кивнул медленно. В тяжелых чертах проступила сосредоточенность воина, который размышлял над скорой битвой.

— И обличим, — сказал он.

Рогнеда мягко улыбнулась и кивнула, натолкнувшись на сияющий взгляд мужа.

— Не зря князь сказал, — пробормотал Стемид, — что ты мне и опора, и ум.

Он встал, стукнул ладонью по дубовому столу — звонко, решительно.

— Будет им ловушка.

Затем обнял жену, зарылся в ее тяжелые черные косы.

— Любушка моя, — пробормотал растроганно, — вовек бы без тебя с ними не сдюжил.

— Сдюжил бы. Укоротил на голову — так бы и сдюжил.

Жена подшучивала над ним, а Стемид был только рад. Рассмеялся легко и беззаботно, чувствуя себя так, словно и впрямь с плеч свалилась гора. Помолчав, вспомнил еще об одном, о чем хотел с женой поговорить.

— Ждан просится на ладью, сопроводить купцов, что поплывут за море, в вотчину конунга Харальда Сурового, — передал слова пасынка, сына Рогнеды от первого мужа.

Мальчишке минуло двенадцать зим, самая пора покидать родные стены да глядеть на бескрайний мир за порогом.

— Отпустишь?

Сердце Рогнеды кричало запретить.

— Зачем меня спрашиваешь?

— Ты мать, — Стемид развел руками.

— А ты ему — отец, — улыбнулась бледно и вздохнула.

В глазах мужа мелькнуло что-то на мгновение и исчезло. К мальчишке он и впрямь относился как к родному сыну. Потому что крепко любил его мать.

— Я дозволю тогда. Уж не серчай на меня потом.

— Буду серчать, непременно буду, — посулила Рогнеда.

Стемид прохаживался по гульбищу боярского терема, переводя дыхание. На вече спорили-рядили до хрипов и сорванных голосов с самого утра, и после полудня порешили прерваться на трапезу. Дубовые столы накрыли здесь же, в просторной горнице, но ладожский воевода и новгородский наместник от угощений отказался и вылетел наружу. Только поношенный плащ мелькнул в сенях.

Надеялся, что остынет малость на свежем воздухе, но не случилось. Пока мерил шагами гульбище, лишь хлеще расสวิрепел.

Терем располагался на холме, в самой почетной части городища. Перед Стемидом открывался вид на могучую, буйную реку — Волхов. По левую и правую руку, кучно друг к дружке возвышались не менее богатые боярские жилища, а уже вниз уходили избы тех, кто был победнее. Впрочем, победнее — это коли сравнивать с хоромами и палатами навроде той, из которой вышел Стемид. У подножья холма теснились рядом жилища купцов да воевод, да умелых мастеров, да прочих, кто к казне был приближен.

Простой люд давно отселили в другой конец городища, за реку. Ну, а те, кто прибыл вместе со Стемидом из Ладоги, обосновались поодаль ото всех, их конец так и прозвали — Ладожским.

В Новом граде всем заправляли бояре. Потому и терема у них были самыми пузатыми, и одежды они носили заморские — аксамит, парча и золотые нити привозили им из самого Царьграда.

Пять зим назад, когда норманны Рюрик, Синеус и Трувор обосновались в Новом граде и принялись грозить соседним княжествам, чтобы те признали их власть и покорились, Ярослав выступил против них единой ратью и одолел в сражении под стенами новгородского детинца.

С той поры прошло не так много времени, но утекло много воды. Оправившиеся после норманского разорения бояре и вельможи власть ладожского наместника признавать не желали. Быстро позабыли, как еще четыре зимы назад клялись, что согласны на все, что князь Ярослав им предложил. Лишь бы подсобил отстроить Новый град да не отдал ослабленное городище на поругание врагам...

Да так все у них ловко получалось, так умело дурили разум и забалтывали своими многумудрыми речами... После веча Стемид всякий раз выходил, словно выпив лишку. В голове — густой туман; лишь кружились разрозненные мысли, обрывки обещаний и разговоров. А сказать прямо ничего не мог, потому как не получалось ни на чем толстопузых болтунов подловить.

А спустя пару седмиц — раз, и новому боярину терем начинали закладывать. Раз — и плату стали взимать за торговлю в центре городища. Раз — и в ополчении прибавилось нескладных, несуразных молодцев. Раз — и дружину обидели, добычу разделили далеко не поровну.

Вот и нынче вместо того, чтобы про мост через Волхов поговорить, который давно укреплять и наращивать нужно, да про стены детинца, кое-где ослабленные и прогнившие, с самого утра делили кусок земли.

Который, к слову, подле Ладожского конца был расположен. Стемиду старожилы рассказывали, что раньше стоял там терем воеводы. Его самого да всю семью вроде как прирезали норманны, когда из Нового града во время битвы бежали. А терем сожгли — в назидание, больно дерзким был его хозяин. До сих пор пепелище стояло нетронутым, Стемид воспретил там своим кметям даже на мечях упражняться — из уважения к павшему воеводе.

А бояре, стало быть, нынче за тот кусок были готовы глотки друг другу перегрызть.

— Стемид Ратмирович? — к нему на гульбище вышел новгородский сотник Станимир.

Он возглавлял часть ополчения, но кормился не с боярских рук, а из общей казны городища. Был еще молод для сотника, но, говорили, что хорошо показал себя в битве против норманнов. Да и отец его был не последним человеком в Новом Граде...

— Тебя одного ждут, — поторопил и вскинул руку, заслоняясь от яркого, совсем не осеннего солнца.

Буйные русые кудри обрамляли его голову, доставая до плеч. Стемиду молодой сотник вроде бы пришелся по нраву: прямой взгляд, такой же прямой язык, да и воином тот был добрым, это они давненько на ристалище прояснили. Но все же держал он ухо востро.

— Нашто им сдалась та земля? — Стемид колко поглядел на сотника.

Станимир пожал могучими плечами — на груди натянулась рубаха из крашеного льна.

— Раньше была окраиной, а ныне пройдет мимо широкий тракт, — скупое отозвался тот. — Таверну для гостей там выстроить — милое дело.

Темная тень легла на лицо сотника. Стемид, прищурившись, пригляделся к нему повнимательнее.

— Что-то ты не больно весел, — обронил.

— Воевода, что там раньше жил, мне почти тестем стал. С дочкой его сосватан был, — проговорил Станимир и даже взгляд отвел.

Неужто смутился?

— Горько как-то, коли отстроят там таверну. На пепелище воеводиного-то терема... — совсем глухо пророкотал сотник.

И Стемид почувствовал, как окрепло в нем уважение к Станимиру. Расщедрившись, тот шагнул к нему, сократив расстояние, и положил ладонь на плечо, сжал некрепко.

— Так что же ты не вступишься? Коли дорога тебе память.

— Дорога! — вскинулся Станимир. — Веришь ли, наместник, до сих пор не женат. Никто с моей Мстишенькой не сравнится... — и глаза его заволокло влажным туманом.

Прокашлявшись, сотник отвернулся — чтобы скрыть смущение, вновь помыслил Стемид.

— Да как мне с боярами-то тягаться, — развел Станимир руками, когда вернулся к нему голос. — Где я — где они.

— Да ты же гридень! — взвился Стемид, который не привык, чтобы дружину в угоду толстопузым боярам чего-то лишали. — Ты — защитник, собой их всех закрывать станешь, коли ворог налетит!

Он разгорячился, отпустил плечо сотника и принялся измерять шагами широкое гульбище. Плащ вился за ним, гонимый ветром.

— Нет, никуда так не годится! — разгорячился Стемид и ударил кулаком о раскрытую ладонь. — Отвечай, Станимир, желаешь сберечь наследие от тестя твоего?

— Знамо дело — желаю, — пророкотал в медовые усы сотник.

И вновь глаза отвел.

— Вот и славно! — воскликнул Стемид, обрадованный, что хоть в чем-то сможет нос утереть боярам, от которых покоя не знал. — Идем, стало быть! Вступлюсь за тебя, вместе против них выстоим. Да и мне любо, коли подле ладожской дружины ты станешь жить, а не какой-то там...

Он махнул рукой, словно не желал марасть язык, перечисляя все, что думал о богатейших людях Нового града, и увлек за собой в терем Станимира, который все топтался на месте и смутился не хуже красной девицы, пряча взгляд.

Княжий кметь I

Еще седмицу назад он расхаживал по широкому гульбищу ладожского терема да прикидывал в уме, как быстро и спокойно доберется вместе с княжичем Крутояром до Нового града, повидает воеводу Стемида, купит матери на торгу бусы али богатое полотнище для убруса...

Нынче же Вячко сидел на старой лавке в избе, где все дышало бедностью, а за маленьким оконцем простирался лес, в котором он и княжич едва не лишились жизней. А у Крутояра из бока торчало древко стрелы, пущенной рукой предателя. И этот предатель ехал с ними от Ладоги...

Он уже успел смириться, что придется ночевать в лесу — когда девчонка дала ему от ворот поворот. Заставить ее у него и мысли не возникло. Вячко намеревался быть тише воды ниже травы, пока княжич не поправится, и они не окажутся в Новом граде, на подворье воеводы Стемида.

Потому он развернулся и пошел прочь. А затем худющая пиявка выскочила на крыльцо и проговорила обрядовые слова, пригласив их в избу. И вот ныне темноволосый мальчишка, похожий на сестру как две капли воды, с поклоном протягивал ему кусок серого каравая.

— Отведай.

Вячко протянул руку и отщипнул немного. Во рту сделалось кисло. Хлеб на вкус был так же неказист, как на вид.

Ему хватило и беглого взгляда на избу, чтобы понять, что даже серый каравай пекли в ней не каждый день. Вдоль стен, в расщелины которых задувал ветер, стояли три лавки. На одной с трудом сидел старик. Он лежал, когда Вячко появился на пороге, но потом поднялся, непрестанно кашляя. Вот и нынче плечи его, с которых свисала рубаха, сотрясались. На второй лавке лежал в беспамятстве Крутояр, подле него сидел сам Вячко. Скрывая беспокойство, он косился на княжича. Надо бы вытащить стрелу да утешить рану повязками...

Над печкой и под потолком были натянуты веревки, на которых сушились охапки разнотравья. Изба казалась стылой, но внутри пахло не кислым хлебом, а чем-то сладким, медовым. Луговыми цветами, нагретыми солнышком в ясный летний день.

Вячко поймал на себе взгляд темноволосого мальчишки. Тот уже дожевывал свой кусок каравая и стоял подле стола, не зная, куда себя деть.

— Как тебя звать? — спросил он, посмотрев ему в глаза.

— Лютом, добрый человек, — пожевав губы, не слишком уверенно отозвался тот. — А сестру мою — Милой, Умиллой. И дед Радим с нами еще.

Вячко кивнул сам себе. Стало быть, родители померли, дети остались сиротами, росли при стареньком деде. Немудрено, что изба пришла в запустенье — без крепкой мужской руки да сильного рода за спиной.

— А меня Вячко звать, — сказал ладожский кметь.

Зашелестев по полу, тяжело отворилась дверь, и в горнице показалась девчонка.

Умила, — поправил он себя. Хозяйку избы величали Умиллой. Имя почему-то резало Вячко слух. Словно совсем не подходило той, которую он украдкой разглядывал. Он встал, когда она вошла, и откашлялся.

— Мне бы воды согреть да тряпок, каких не жалко.

Когда выпрямлялся во весь рост, Вячко заgrimком едва не подпирали матицу. До того низенькой была избенка, что ему приходилось пригибаться всякий раз.

Умила посмотрела сперва на него, потом на княжича. Очень остро посмотрела, деловито. Словно и впрямь что-то разумела. Мысль была глупой, и Вячко ее поскорее отогнал. Что могла знать деревенская девчонка?..

— Меня люди травницей называют, — сказала она наконец. — Твоему спутнику нужно вытащить древко. Лют, поставь воду греться.

Кивнув сама себе, Умила отошла к столу, больше на Вячко даже не взглянув. Зато он посмотрел ей в спину. И нахмурился мимолетно.

Травница достала с покосившейся полки горшочек, укрытый тряпицей, развернула ее и принялась. Нос у нее был тонкий, с едва заметной горбинкой. Ноздри затрепетали, пока она водила им над горшком. Затем Умила улыбнулась — бегло, почти незаметно.

— Что это? — строго, слишком строго спросил Вячко, который по-прежнему стоял подле лавки с княжичем.

Травницам да ведуньям он не шибко доверял.

— А ты смыслишь в том, что на раны кладут?

Худющая пиявка оказалась еще и остра на язык. И вновь брови Вячко сошлись на переносице.

— Он брат мне... двухродный, — соврал, указав на княжича, которого одолевала лихо-манка. Кожа его горела. — Его батька с меня шкуру спустит, коли что с ним приключится...

А вот здесь и не соврал почти. На сей раз князь Ярослав его убьет. И будет прав. Он ведь Вячко до сих пор не простил то, что с княжной Яромирой приключилось, а ведь минуло пять зим, да и сама княжна мужатой женой за конунгом Харальдом ходила.

А все равно. Как был в немилости у князя, так и остался.

Нынче же и сына его не смог уберечь.

Может, впору самому себя прибить?..

Верно, отразилось что-то тяжелое, смурное на лице Вячко, потому что Умила подалась вперед и мягко сказала.

— Рана от стрелы али от топора — суть-то одна. С порезами от косы справлялась, тут тоже управлюсь.

Он кивнул, почувствовав, как вмиг одеревенела шея.

Как раз согрелась вода, и Умила, подхватив тряпицы и ушат, подступила к лавке, на которой метался княжич. Присмотревшись к нему повнимательнее, она подняла на Вячко светлые, льдистые глаза.

— Откуда ты говоришь, вы с братцем пришли? — спросила колко.

Вячко проследил за ее взглядом. Мечи-то он в лесу закопал, но вот старый шрам на лице Крутояра не спрячешь. Да и на нем самом... да и многое другое, что тотчас в них выдавало воинов.

— Меньше ведаешь — тише спится, — обронил он негромко, посмотрев ей прямо в глаза.

Умила закусила губу. Вячко мог поклясться на Перуновом колесе, что травница пожалела, что все же окликнула его тогда. Она дернула плечами и больше ничего не спросила. Склонилась над Крутояром и, ловко орудуя ножом, принялась срезать ошметки рубашки, чтобы добраться до раны.

Княжич, почувствовав, взметался беспокойно, забился на лавке, и Вячко поспешно сел рядом и придержал его за плечи, крепко прижав. Он оказался совсем близко к травнице. Видел простенькое очелье; длиннющие пушистые ресницы; прядки темных волос над висками, слишком короткие, чтобы убрать в косу; запястье с обтянутыми кожей косточками... Видел закусенную губу, жемчужинки пота на высоком, светлом лбу: Умила смоченной в воде тряпицей стирала засохшую кровь вокруг раны, и Крутояр непрерывно дергался.

В один миг Вячко, усмирив свой бесстыжий взгляд, отвернулся и больше старался на девчонку не смотреть. Его забота была — о княжиче!

— Держи его крепко, — облизав сухие губы, Умила вскинула на него горящий взор. — Я выдерну стрелу.

Вячко молча кивнул и прижал Крутояра к скамье такой хваткой, что у того на коже поутру появятся синяки-следы от пальцев. Когда травница дотронулась до торчащего из раны древка, княжич взметался. Оно было скользким из-за крови, и Умила не сразу смогла крепко ухватиться. Несколько раз ладонь соскакивала, и суета лишь причиняла Крутояру боль.

— Да тyani ты уже! — не выдержав, прикрикнул Вячко.

И устыдился, услышав ее задушенный всхлип, но мгновение спустя древко целиком окзалось, наконец, в ладони Умилы. Из раны засочилась кровь, и травница, не успев толком опомниться, кинулась накладывать свои тряпицы.

Кметь перевел дыхание и почувствовал, как Крутояр обмяк в его руках. Глаза у княжича закатились, голова свесилась набок. Но задышал он спокойно и ровно. Неужто уснул?..

Все вокруг было заляпано кровью: руки Вячко, руки Умилы, лавка, пол под нею, одежда. Вытерев запястьем лоб, травница прислонилась лопатками к прохладному сруб. Щеки у нее стали совсем бледными. Еще хлеще, чем когда разглядела их на подступах к своей избушке.

Почувствовав чужой взгляд, Умила повернулась.

— Ты тоже ранен, — сказала устало.

— Царапина, — отмахнулся Вячко. — Обойдусь.

Она пожала плечами и не стала упрашивать. Поглядела на брата, который все время топтался за их спинами.

— Пойдем, польешь нам.

Умила поднялась, и Вячко за ней. Втроем они вышли на крыльцо. Не так много времени минуло, на небосводе как раз догорал закат. Пока брат подсоблял сестре смыть с рук кровь, кметь настороженно прислушивался и приглядывался.

И потому первым услышал чужую поступь.

Прищурившись, Вячко всмотрелся вдаль. Со стороны, противоположной лесу, к избе травницы шли двое. Парень да девка.

— Никому про меня не сказывай, — успел он шепнуть, тронув Умилу за локоть.

Та отшатнулась от него, как от прокаженного. Неужто испугалась? Подняла свои светлые, колючие глаза, да только его с крыльца уже и след простыл. Неплотно притворив дверь в сени, Вячко припал к ней ухом.

— Чего это он... — успел шепнуть Лют, но сестра быстро его одернула.

— Тихо!

Затем послышался плеск воды: травница умывала руки. Шелест чужих шагов звучал все ближе, пока, наконец, парень с девкой не подошли вплотную к крыльцу.

— Доброго вечерочка, Мила, — первой заговорила девушка.

— И тебе, Ждана, — голос травницы прозвучал сдавленно, слишком тихо.

— Что же ты, обещалась мазь сварить от ожогов для младшенького дядьки Молчана, а так и не пришла? — произнесла гостя с укором.

Вячко нахмурился.

— Я совсем малость не успела, — но Умила быстро нашлась с ответом. — Долго возилась что-то.

— А долго ли тебе осталось? — заговорил парень, и его голос Вячко по нраву не пришелся.

Было в нем что-то такое... скользкое. И по двум словам было слышно.

— А то мы бы обождали, — добавил он и хохотнул.

— Долго, Славута. К утру управлюсь, сама все принесу. Как к колодцу пойду.

Умила тоже говорила как-то иначе. Внимательно прислушиваясь, Вячко улавливал малейшие перемены.

— Поздно уже, — сказала она после некоторого молчания, поскольку незваные гости не уходили. — Леший гулять вышел. Поспешили бы вы по избам.

— Но ты гляди, Милка, я уже дядьке Молчану наобещала! — вновь с обидой и укором заговорила Ждана. — Уж не подведи!

— Все сделаю, — травница явственно заскрипела зубами. — Нынче замешкалась.

— Ну, утром свидимся тогда. У колодца, — пообещал на прощание парень. — Идем.

Его обещание Вячко также не пришлось по нраву. Он шагнул назад, когда дверь распахнулась, и в сени ступили брат с сестрой. Умила опалила кметя пристальным взглядом, прищурив глаза. Длинные тени пушистых ресниц упали ей на щеки, и, потеряв всякий стыд и совесть, Вячко смотрел на нее, пока она рассерженно не дернула головой.

— Кто ты такой? — спросила травница, когда втроем они вошли в избу.

Кметь бегло посмотрел на княжича: тот по-прежнему спал. Дышал ровно и тихо. Пригнув голову, он остался в дверях. Сердитая Умила отошла к печи и развернулась к нему, уперев руки в бока.

— И от кого прячешься?

Ее вопросы били ровнехонько в цель, вот только ответов на них у Вячко не было.

— Мы уйдем завтра утром, — глухо выговорил он и переступил с ноги на ногу под ее хлестким, требовательным взглядом. — Не сердчай.

Нехорошо он отплачивал за гостеприимство — пусть даже такое колючее. Но травница пустила их на порог, разделила с ними хлеб, умело и быстро утешила раны Крутояра... А он обманывал ее с самого начала, еще когда прикопал неподалеку в лесу меч. Да и не рассказал ничего о себе.

А их ведь наверняка ищут. И не только друзья.

Но и те, кто во время охоты пустили в княжича несколько стрел. И шли за ними по лесу, пока Вячко не сумел запутать следы так, что преследователи потерялись.

Только вот надолго ли этого хватит?..

Он должен как можно скорее добраться до Нового Града. И лучше всего — окольными тропами, потому как неведомо, в каком уголке притаилась опасность.

Откуда полетит следующая стрела...

Все это пронеслось у него в мыслях, а потом он моргнул, дернулся и понял, что по-прежнему стоял в дверях, подпирая затылком крышу, а маленькая травница, уперев руки в бока, смотрела на него, запрокинув голову.

— Мы уйдем завтра, — повторил он глухо.

— Ты-то, может, и уйдешь. А вот он, — резкий кивок на княжича, — едва ли.

Потом Умила вздохнула, словно смирилась с чем-то, о чём ведала лишь она, и отвернулась к печи, загремела горшками и ухватом. Вячко, чувствуя себя отчего-то здоровенной и неповоротливой колдобиной, опустил взгляд на свои ладони. Затем, еще раз переступив с ноги на ногу, вернулся на лавку подле Крутояра.

Притихший Лют, странно покосившись на кметя, подошел к сестре, и вдвоем в четыре руки они принялись стряпать. По правде, у Вячко давно уже брюхо от голода скручивало, но все как-то не к месту об этом было вспоминать. Он не знал, чем себя занять, не привык просто так сидеть да наблюдать, как другие работали. Но делать ему в избе было нечего, и потому он принялся осматриваться. Не глазеть же, как травница нарезала коренья да кидала в горшок, в котором булькала вода... Как сновала между печкой и крошечным закутком, скрытым от чужого взгляда натянутой на веревке тканью... И как ее толстенная, непривычно-темная косища вторила каждому ее движению и скользила по гибкой, девичьей спине...

Он резко потряс головой, жалея, что не успел на крыльце попросить, чтобы вылили на него ледяной воды. Может, помогло бы охолонуть...

Княжич завозился на лавке и жалобно выдохнул. Вячко приложил ладонь к его лбу и едва не обжегся. Крутояр горел, словно лежал прямо в печи.

— Он горячий, — встревоженно произнес вслух.

Умила резко повернулась, отложила в сторону нож и подошла к ним. Склонилась над Крутояром и также потрогала его лоб. Длинные ресницы сердито затрепетали, на лбу появилась тонкая морщинка.

— Лют, согрей воды да запарь тот кислый сбор, который я седмицу назад готовила, — Умила рассеянно провела пальцем по шраму на лице княжича: тот рассекал надвое бровь, чудом не задевая глаза, и спускался к носу.

Вячко закричал про себя. На мирных жителей ни он, ни Крутояр похожи не были. Он уже приготовился солгать, когда Умила, не прибавив больше ни слова, вновь отошла к печи. Пока она возилась с похлебкой, ее брат, процедив запаренный сбор через тряпку, принес Вячко глубокую миску и велел поить им Крутояра.

Дело оказалось не таким простым, как представлялось. Княжич в себя не приходил и все больше метался по лавке, нежели пил. Стиснув зубы, Вячко поминал до седьмого колена проклятых ублюдков, пустивших в Крутояра стрелу. Расплескав добрую треть, он все же влил отвар в княжича, а когда выдохнул с облегчением и утер ладонью испарину со лба, наткнулся на насмешливый взгляд травницы.

Она ничего не говорила, но его так и потянуло огрызнуться. Пришлось напомнить себе, что он — княжий кметь, витязь и добрый воин. А она — колючая девчонка, за которой некому было присмотреть.

Вечерять сели втроем, старик к тому моменту уже заснул. Умила принесла на стол небольшой горшок с жидкой похлебкой и поставила тот серый, кислый каравай, который они преломили чуть раньше.

Глядя на похлебку, Вячко испытал странную смесь стыда, злости и глухого раздражения — на себя самого. Потому что его, как гостя, потчевали самым лучшим, что нашлось в избе...

«Без мяса щи — хоть порты полощи!» — так любила приговаривать его мать, подкладывая им с братом и с отцом, когда тот был жив, кусочки побольше.

За этим же столом о мясе, верно, только слышали.

Опустив ложку, Вячко посмотрел на брата с сестрой, что сидели напротив него. Место во главе стола пустовало, и это болью в сердце напомнило о родной избе.

После смерти отца в битве под стенами Нового Града четыре зимы назад на его место тоже никто не садился. Должен был он, Вячко, ведь был в роду старшим.

Но не мог. Это он был виноват в том, что отца, славного воеводу Будимира, убили.

Он потряс головой и повел плечами. Слишком много нынче размышлял.

Вячко приметил, что Умила старалась пореже зачерпывать теплую похлебку из горшочка. Кажется, даже пнула под столом младшего братца, больно шустро орудовавшего ложкой.

Законы гостеприимства были священны, даже когда гость утаивал правду да тащил за собой тяжелый груз из неурядиц.

На удивление, было вкусно, хоть и очень жидко. Вячко и не ожидал, что станет уплетать за обе щеки разваренную репу, но, верно, оголодал за целый день. Несколько раз он оглядывался за спину, всматриваясь в княжича. Тот вновь вроде бы успокоился, задышал ровнее.

Однажды Умила перехватила его взгляд и закусил губу.

— Ночью нужно за ним следить. Чтобы хуже не стало.

Она перекинула на плечо темную косу и пригладила выбившиеся прядки. Рукав рубахи задрался, и Вячко разглядел несколько родимых пятен у нее на предплечье. Затем устыдился и уткнулся взглядом в столешницу.

— Я посторожу, — сдавленным голосом сказал он.

— Сперва я, — без улыбки возразила Умила. — Мне мазь еще потребно доделать.

Он тотчас вспомнил о девке с парнем, которые приходили к травнице.

— Они не станут болтать? — спросил резче, чем намеревался.

— О чем? — она подняла на него взгляд.

— О том, что с мазью ты припозднилась. Отчего да почему... Людская молва — как пожар.

Вячко удивился, когда Умила нахмурилась такому простому вопросу. Она обдумала его степенно, словно размышляла о чем-то важном, и, наконец, покачала головой.

— Не думаю, что станут.

И она даже не спросила, отчего он о таком тревожился. Это тоже почему-то настораживало. Вячко представил, как всполошилась бы мать да и многие другие женщины и девки, кого он знал. Умилы же только пуще поджала бледные губы и опустила ложку на стол. Больше к похлебке она не притронулась, и под конец трапезы Вячко почему-то захотелось хоть раз поглядеть на ее улыбку.

— Благодарю, — сказал он искренне, когда вместе с Лютом доскреб ложками дно горшка. — Вкусно было.

Вместо улыбки травница вздрогнула и втянула голову в плечи.

— Чем богаты... — пробормотала смущенно — и впрямь смущенно! — а потом подхватила с лавки, прижала к груди горшок и скользнула за занавесь.

Ночь выдалась тяжелой. Крутояр метался и горел. Он то приходил в себя, то вновь лишался сознания и взволнованно бормотал что-то несвязанное, цепляясь руками за рубаху склонившегося к нему Вячко. Умила, как и обещала, сперва сторожила княжича вместе с ним, но кметь, заметив, что у той уже глаза начали слипаться да из рук валиться ступка, прогнал ее на полати над печкой, велел укладываться спать.

И остался с княжичем один. Немногое можно было сделать. Вячко продолжал отпаивать его остывшим отваром да обтирал лицо и грудь смоченной в холодной воде тряпицей.

Но жар все не уходил, и к рассвету стало ясно одно: избу травницы, как обещал, он покинуть не может.

Он задремал, но, как и всякий воин, спал чутко, а потом открыл глаза, услышав, как Умила слезла с полатей. Воздух в горнице показался Вячко стылым, и он припомнил, что слышал ночью, как в щелях меж бревнами завывал ветер.

Кивнув ему, травница подошла к лавке и склонилась над княжичем. Озабоченно нахмурила темные брови и покачала головой, дотронувшись до его лба.

Вячко смущенно откашлялся.

— Видать, задержимся у тебя... коли не прогонишь.

И подумал, что если Умила и впрямь прогонит их, то даже обиду на нее затаить не сможет. Они обедали семью, в чьей избе и не пахло недостатком. И он обманывал ее. Не велел никому про себя да княжича. Со стороны, верно, походил больше на татя, чем на доброго молодца.

— Прогнать тебя мне Макошь не даст, — травница вздохнула и коснулась лунницы, чье очертание проступило под рубахой.

Вячко подавил усмешку и кивнул. Колючка, как есть — колючка!

Оставив его и княжича, Умила побрызгала на лицо остывшей за ночь водой и ушла в угол за печкой, задернув занавесь. В избе было тихо, доносилось лишь сонное дыхание спавших, и потому Вячко хорошо расслышал, как травница прядь за прядью принялась разбирать растрепавшуюся за ночь косу, как гребень зашелестел по густым темным волосам, как Умила недовольно цокала языком, когда не могла прочесать колтун...

Он взвился на ноги и вылетел на крыльцо, постаравшись не хлопнуть дверью. Жадно вдохнул ледяной, обжигающий воздух: раз, другой, третий. Потянул за ворот рубаху, и мелькнула мысль, что хорошо бы ее отстирать от засохших пятен.

Вскоре на крыльце показалась Умила. Одной рукой она придерживала коромысло с ведрами, другой прижимала к груди завернутый в тряпицы горшок. Сверкнув в сторону кметя

неясным взглядом, она молча сошла на землю и зашагала по тропинке, что вела от леса. Вчера именно по ней к избе пришли парень с девкой.

Вячко посмотрел ей вслед и вернулся в избу. Покосился на печь, в которой теплился огонь, на единственную вязанку дров, от которой остались жалкие крохи, и кивнул сам себе. Топор нашелся в сенах. Неодобрительно поглядев на мальчишку, который дрых на полатах, кметь все-таки смолчал и вновь вышел на крыльцо.

Над макушками деревьев уже показалось круглое, желтое солнце. Холодные, яркие лучи скользнули по листве и коснулись старого сруба. При утреннем свете стали видны щели, которых Вячко не заметил накануне. Избу конопатили, но скверно, неумело.

Огладив короткую бороду, он впервые задумался, а что сам-то знал про ту, которая их приютила? О себе Умила рассказала не больше, чем он. И неведомо, много ли в ее словах было правды. Ну, где это видано, чтобы семья жила в прохудившейся избе, по которой ночами ходил ветер?.. У них на Ладогe непременно нашлись бы люди, чтобы позаботиться о детях, коли остались они сиротами. А родня? Куда родня смотрела? Не могут же девка с мальчишкой сами по себе жить, одни-одинешеньки?..

Так размышлял Вячко, пока обходил избу. Во внутреннем дворе, что смотрел на лес, увидел подходящие колдобины. А еще чуть в стороне, под пушистыми еловыми ветвями притаилась маленькая банька...

Перехватив поудобнее топор, Вячко примерился. Он поставил полено на чурбан, выпрямился, втянул холодный воздух. В легких приятно защекотало. Он повел плечом, чувствуя, как ноет побитое ребро, и выдохнул сквозь зубы.

— Ну, поглядим...

Первый удар вышел вкось — туповатое лезвие врезалось неохотно. Вячко качнул топор, выдернул с треском, снова занес, и уж теперь вложил в замах все: и злость на странные думы, и боль в боку, и непонятную тревогу, что тенью легла с самого утра.

Дерево хрустнуло, разошлось, как трескается лед весной. Щепки сыпанули в стороны. Снова — полено, снова удар. Руки работали сами, без дурных мыслей. Только дыхание вырывалось с резким свистом и разлеталось от губ облачками пара.

Сперва работа шла тяжело, как бывает после ночи без сна, но скоро пот проступил на спине, и рубаха прилипла к телу. Вячко провел рукавом по лицу, стащил ее через голову, бросил рядом и снова взялся за топор.

Полено за поленом, щепка за щепой — под ногами выросла целая гряда. Дыхание участилось, стало рваным, шумным. Пар поднимался от тела, грудь вздымалась, руки налились тяжестью, но Вячко не останавливался. Топор звенел, дерево трещало, и зародившаяся в душе тревога медленно отступала прочь.

Когда он, наконец, выпрямился, вытер ладонью лоб и окинул взглядом кучу наколотого, то даже удивился: вышло много. Целая гора сухостоя — и береза, и ольха, и пара старых сосновых чурок.

Умиле хватит, пожалуй, на пару седмиц. А если сберечь — и на дольше.

«Хоть так отплачу за доброту», — подумал он, медленно опускаясь на чурбан и слушая, как утихает в груди гул, отзывавшийся в каждом ударе.

Но долго посидеть в тишине ему не удалось. От тропинки раздались голоса, и в мужском он узнал того самого Славуту, который приходил в избу накануне.

— ... говори да не заговаривайся! — парнишка был зол, каждое его слово сочилось раздражением. — Что, мыслишь, вступится за тебя дядька Третьяк? Напрасно ерепенишься, Милка!

— Ступай, Славута, и не ходи за мной больше.

А вот травницу Вячко и не признал сперва. Прозвучало в ее голосе что-то... властное, строгое. Перед глазами пронеслись горницы ладожского терема, и княгиня Звенислава Вышатовна, приказывающая холопам да прислужницам.

Вячко потряс головой и коснулся шишки на макушке. Может, тот камень все же пробил ему голову? Иначе как объяснить глупости, что ему мерещились?

Парнишка не желал отступать и еще препирался с травницей, когда она просто захлопнула перед его носом дверь. Вячко услышал, как тот сунулся к крыльцу, и напрягся, перехватил поудобнее топор. Затем по лесной опушке разнеслась его громкая ругань. Кметь скривился. Ну, не баба же, чтобы языком так молоть.

Славута потоптался еще немного и, наконец, ушел. Вячко выждал для надежности время, подхватил дрова и топор и вернулся в избу.

Травница встретила его сердитым, разъяренным взглядом. Но, увидев, что из сеней ступил не Славута, смягчилась.

— Он обижает тебя? — Вячко и сам не понял, отчего вырвались эти слова.

Умила повела плечом, косища метнулась по воздуху, будто плеть. Она резко развернулась, обошла Вячко стороной и, не глядя на него, сказала.

— Пусть попробует. Не в первый раз спесь сбивать.

Кметь вскинул брови и покачал головой. Высыпал подле печи охапку дров и прислонил к стене топор.

Умила стояла у печи, не поворачиваясь, и Вячко заметил, как вновь дрогнули ее плечи.

— Садись к столу, — сказала она тихо.

Голос прозвучал непривычно мягко.

От шума, наконец, проснулся Лют. Зевнул и слез, заспанный, с полатей.

— Вольготно же тебе почивать, пока сестрица всю работу за тебя делает, — он не хотел говорить; слова вновь будто сами сорвались с языка.

Мальчишка покраснел под его насмешливым взглядом. Краем глаза Вячко увидел, как травница встрепенулась, подалась вперед, словно желая заговорить, но смолчала, прикусив губу.

— Мила, я нечаянно... я не со зла...

Кметь отвернулся, чтобы не смотреть, как мальчишка ластился к сестре. Вместо этого подошел проведать княжича. Коснулся лба и выдохнул с облегчением. Кожа была теплой и совсем не обжигала, и Крутояр вновь дышал ровно, а спал — спокойно. Лихоманка отступила во второй раз.

Пока возился с княжичем, почувствовал на себе пристальный взгляд старика.

— Какому князю ты служишь, витязь? — проскрипел тот.

На одно мгновение Вячко растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Ты что-то спутал, старче.

Но дед лишь покачал головой.

— Глаза мне не врут. Не пахарь ты и не охотник. Стать тебя выдает.

Он не успел больше ничего прибавить, потому как Умила позвала всех к столу. По заправку пробежал неприятный холодок, и Вячко встряхнулся. Врать он не привык да и не умел. И не любил, оттого на душе было тошно.

Но и всей правды сказать не мог. Накануне не с руки было, а нынче следовало выяснить, куда он забрел. Чьи земли, какому князю кланяются люди. И далеко ли до Нового Града.

Всем была хороша задумка.

Да только исполнится ей не пришлось.

СЫН КНЯЗЯ II

Очнувшись, он не сразу сообразил, что приключилось да отчего взгляд упирался в темную, грубо сколоченную балку, а не в привычную резьбу ладожского терема. Крутояр скосил глаза и встретился взглядом с мальчишкой зим десяти. Тот смотрел на него в ответ, ничуть не тая любопытства.

— Ты кто? — выдохнул и пошевелился, пытаясь подтянуться на лавке.

Когда резкая боль пронзила бок, замер и коротко вобрал носом воздух, пережидая вспышку.

— Позабыл все? — протянул удивленно мальчишка. — Меня Лютом звать. А тебя?

— Яром, — сцепив зубы, откликнулся княжич.

Он не стал называть свое настоящее имя чужому человеку.

— Где я? — спросил, осматриваясь.

— И впрямь позабыл, — Лют покачал головой. — погоди, я Вячко кликну.

Подхватившись, тот встал с лавки, а Крутояр выдохнул с невероятным облегчением. Он был не один в чужой, небольшой избе. Голова закружилась, когда он нахмурился и попытался вспомнить, что приключилось.

Отворившись, тихо зашелестела дверь и пустила в горницу свежий, прохладный воздух. Вячко вошел, отряхивая руки от налипших щепок, за ним след в след семенил измаявшийся от любопытства Лют. С глазу на глаз им поговорить не выйдет. Лицо у кметя просветлело, когда он увидел Крутояра.

— Очнулся, стало быть? — двух шагов хватило Вячко, чтобы подойти к лавке. — Два дня с лихоманкой боролся. Жар у тебя сильный был.

Крутояр кожей ощутил исходившую от него настороженность. Тот говорил иначе. Короткими, рублеными предложениями, и ни разу не назвал его княжичем...

Он помнил, как покинули они ладожский терем. Отрядом в дюжину человек, с Вячко во главе. Он был еще зол на отца и потому не послушал, когда ему говорили, и согласился отправиться на охоту, которую ему предложил наместник городища, за которым начинались чужие земли. Это было самое дальнее поселение ладожского княжества, после него шли владения других князей.

Крутояр согласился на охоту «назло всем» и потому, что Вячко был против, спеша добраться до Нового града. Нынче же, судя по боли, которую он ощущал в боку, хуже княжич сделал лишь себе.

— Где мы? — спросил он и облизал сухие губы.

— Пить хочешь? — Вячко потянулся и взял со стола глубокую миску. — На, вот. Отвар. Пригубив, Крутояр скривился.

— Кислятина, — фыркнул он, с трудом проглотив.

— Нас к себе в избу пустила травница Умила, — усмехнувшись, принялся рассказывать Вячко. — Живет она вместе с младшим братом да стариком, дедом Радимом. Лют, — он резко повернулся к мальчишке, который все топтался сбоку. — Запомню я что-то, а как отца вашего звали?

Тот дернулся, словно вопрос застал его врасплох.

— Р-ратмиром звали, — отозвался неуверенно и повел плечами.

— Приютила нас травница Умила Ратмировна, — Вячко задумчиво огладил короткую бороду. — Выходила тебя. Рану утешила.

Стрела.

Крутояр дернулся шибче мальчишки, мгновенно вспомнив. Они были на охоте, и вместо зверя кто-то выстрелил в него. Его взгляд заметался по лицу кметя, он приоткрыл рот, чтобы

спросить, но Вячко резко, хлестко мотнул головой. И одним потемневшим взглядом показал, что для вопросов не то время.

С трудом сглотнув, Крутояр согласно прикрыл глаза.

— Подсоби... встать... до нужника схожу, — попросился он.

Вячко посмотрел на него с глубоким сомнением, но все же протянул руку, за которую княжич тотчас ухватился. Голова кружилась немилосердно, но он сперва сел, а затем и поднялся на нетвердые, чужие ноги.

— Не торопись. Обвыкнись сначала, — говорил ему Вячко, придерживая за плечи, чтобы не свалился.

Очень медленно, шаг за шагом они добрались до крыльца. Благо горница была совсем небольшой. От лавки до стола и до стены рукой подать. Оказавшись снаружи, Крутояр вцепился в локоть Вячко обеими ладонями, чувствуя себя глубоким стариком.

— Ты молодец, княжич, — тотчас услышал шепот тише дуновения ветра. — Я никому не говорил, кто мы да откуда.

Крутояр кивнул. Стало быть, он догадался верно.

— Где мы? — сошел с крыльца и мимолетно подивился, увидев вместо нижней ступени зияющую пустоту.

— Коли б я ведал... — вздохнул Вячко и зарылся ладонью в волосы на затылке. — За нами долго шли по лесу после того, как в тебя угодила стрела. Нас ищут. Потому я и скрыл, кто мы.

Жгучий стыд опалил Крутояру лицо. Стоило слушать мудрых людей да не соваться на ту охоту! Верно, уже бы добрался до Нового града, передал бы послание от отца воеводе Стемиду...

Отец.

Осознав все, Крутояр так резко вскинулся, что пошатнулся и едва не упал. На ногах его удержала крепкая хватка Вячко.

— Никто не ведает, что мы здесь... — потрясенно выговорил.

— Никто, — кметь мрачно кивнул. — Воевода Стемид ждет нас завтра — самый край.

— Погоди, погоди... — Крутояр сглотнул вязкую слюну. — Кто пустил в меня стрелу? Ты видел?

Вячко коротко мотнул головой, скрипнув зубами.

— А остальные? — спросил Крутояр с хрипотцой, будто сам боялся ответа. — Тур, Млад? — он принялся перечислять имена дружинников из отряда. — Они живы? Должны искать нас!

Кметь только плечами пожал, пытаясь скрыть горечь.

— Никого из них не видел с того мига, как мы в лесу разделились, чтобы вепря загнать.

В его словах Крутояру послышался урок. Он шумно выдохнул и запрокинул голову, набирая в грудь свежего воздуха. Они стояли посреди крохотного подворья. Позади была изба, почти со всех сторон — осенний лес, наряженный в багрянец и темное золото.

— Коли меня ранило... то как мы сюда добрались? — отдышавшись, вновь спросил Крутояр. — Ты тащил меня?

Вячко кивнул. Велика доблесть...

— Надо было послушать тебя, — скривился княжич и приложил руку к непривычно грубой и колючей рубашке, под которой на боку угадывалась повязка. — Послушать и не соглашаться на охоту.

— Все пустое. Что сделано — уже не воротишь. Я тоже виноват. Не уберег тебя. Хотя клялся князю... — Вячко оборвал себя на полуслове и махнул рукой.

Об этом он поразмыслит после. Что сделает с ним ладожский князь, чьего сына он обещал, но не довёз до Нового града. Сперва им нужно туда добраться.

Княжич понуро кивнул, чувствуя себя виноватым не меньше.

— Зябко здесь. Идем в избу, — откашлявшись, глухо проговорил он. — Я Яром Люту назвался.

— Вот и славно. Родовое имя побережем для новоградского терема.

Крутояр собрался уже уходить, когда заметил на тропинке, на которую он смотрел, фигурку вдалеке.

— Кто это там? — указал подбородком.

Вячко стремительно повернулся, но спустя миг его лицо разгладилось.

— Травница. Умилкой зовут.

Девушка быстро взбиралась по холму. Черная, перекинутая за спину коса не поспевала за хозяйкой, рассекая воздух. Холодные серые глаза прошлись по Крутояру внимательным взглядом, но Умила не выказала ни удивления, ни озабоченности, когда увидела его во дворе на ногах. Взволнованная, она посмотрела прямо на Вячко.

— Говорят, по поселениям ездят люди наместника. Ищут двоих воинов: юношу помладше да мужа постарше.

— Какого наместника? — спросил Вячко.

Травница поджала губы.

— Господина Велемира.

Крутояр дернулся, узнав имя. Коли эти поселения платили дань наместнику Велемиру, стало быть, они еще не ступили на новоградскую землю.

Лицо у Вячко не разгладилось, когда он услышал, как звали наместника. Лишь крепче нахмурился, и Крутояр прикусил язык.

Травница Умила не сводила с кметя чуткого, встревоженного взгляда.

— Люди наместника будут здесь уже через два дня. Сейчас они в трех поселениях от нашего, — сказала она тихо.

Невольно Крутояр залюбовался ее точеным, красивым лицом. Не иначе как лихоманка не отпустила до конца, вот и лезла в голову всякая дурь.

— Это вас они ищут, так ведь? — а Умила продолжала глядеть на Вячко.

Серые глаза были чуть прищурены, краешек нижней губы — закушен.

— Да, — кивнул кметь, потому что дольше врать не было смысла. — Они ищут нас.

— Кто вы такие? Откуда? Как оказались на моем пороге? — спросила она с каким-то обреченным надрывом и поднесла к губам ладонь.

— Мы не обидим тебя, — поспешно сказал Крутояр, а травница вдруг отшатнулась.

Княжич нахмурился. Он к такому не привык.

— Мы не можем уйти нынче, — глухо заговорил Вячко.

— Ты опасаясь наместника? — шепотом спросила Умила. — Вы бежите от кого-то? Кто вы? Разбойники? Лихие люди?

— Да нет же! — разозлившись, что их приняли за лиходеев, воскликнул Крутояр.

Она мазнула по нему беглым взглядом, а затем вновь уставилась на Вячко, и обида заскреблась у княжича в груди. Травница ему не то, что не верила — она слушать его не желала! Ярость распирала изнутри, такая знакомая и привычная. Он сцепил зубы, пытаясь себя укоротить. Не время и не место.

Последний раз он осерчал на отца, сославшего его в Новый Град, потому и согласился на ту охоту, хотя не шибко-то хотел. Словно пытался что-то кому-то показать.

И вот как все обернулось.

— Мы тебя не обидим, — Вячко повторил сказанные княжичем слова. — И мы не лиходеи. Ты бы шла в избу... мы скоро вернемся и поговорим. Не на весь же двор болтать.

Умила не спешила уходить. Ее лицо побледнело, крылья носа трепетали — не то от волнения, не то от испуга. Долго она еще стояла на месте и переводила взгляд с кметя на княжича и смотрела так пристально, словно пыталась запечатлеть перед глазами их лица.

Наконец, она опустила голову и шагнула на крыльцо, да еще и обошла их двоих по такой дуге, словно ждала удара.

Крутояр дернулся, но вновь смолчал.

Выждав, пока за ней закроется дверь, и еще немного, Вячко повернулся к княжичу.

— Я не верю наместнику Велемиру. Это на его охоте ты получил стрелу.

— Его в городище посадил отец. Сразу после войны с Рюриком, — напомнил он. — Он из ладожских бояр.

Кметь кивнул.

— А кто-то из ладожской дружины ту стрелу в тебя направил.

Крутояр был не из трусливых. Об этом говорил хотя бы шрам на его лице, полученный в сражении! Но нынче ему стало не по себе, когда холодный ужас прозвучавших слов осел в голове и дошел до сердца.

В отряде был предатель. Да не простой, а из ближнего круга, потому как людей для сопровождения сына отбирал лично князь Ярослав. И не абы кого, а тех, кому доверял.

— Мы должны выбраться отсюда побыстрее, — сказал он и, не сдержавшись, застонал.

Слишком резко повернулся, и рана напомнила о себе.

— Иди-ка в избу, — Вячко неодобрительно щелкнул языком. — Сперва ты должен окрепнуть, хотя бы малость. Два дня лихоманка тебя сжирала.

— А ты? — Крутояр обернулся уже подле двери.

Его наставник успел отойти на пару шагов от крыльца.

— Я скоро, — пообещал мрачно.

Горница пахнула на княжича холодом. И не только из многочисленных щелей. Верно, травница успела проболтаться родне, и теперь и мальчишка, и старик глядели на Крутояра лютыми волками. Девка же хлопотала у печи, рассерженно стуча горшками. По суетливым, резким движениям угадывалось, что она злилась. Ему вдруг вспомнилась мать, княгиня Звенислава. Та, когда серчала, точно так же звенела посудой и с излишней силой опускала ее на стол.

Чувствуя, как по телу разливается ненавистная слабость, кое-как Крутояр дохромал до лавки. Едва не споткнулся позорно под конец, благо уже рядом оказался и осел на нее тяжелым, неповоротливым кулем.

Умила даже головы в его сторону не повернула.

Княжич залез ладонью под рубаху и приложил ее к шероховатой повязке. Кожа соприкоснулась с чем-то влажным и чуть липким. Рана сильно кровила, коли проступило на полотне. Сцепив зубы, Крутояр принялся ощупывать сам себя. Помимо раны болели еще и ребра, и бок, и даже плечо. Вся половина тела, куда угодила стрела. Вячко сказал, его подрал еще секач. Верно, не поспел проткнуть клыками, лишь испинал мордой да копытами.

Зашелестела дверь, и в горницу вернулся кметь, держа в руках ножны.

Тут-то княжич и залился краской жгучего стыда. Хорош воин! Как очнулся, ни разу о мече не спросил, не вспомнил даже!

Повернувшись на звук Умила выронила из рук горшок, когда увидела, что принес в ее избу кметь. Упав на дощатый пол, тот раскололся на множество мелких черепков. Мальчишка Лют подхватился с лавки и бросился к сестре, стал между нею и Вячко, словно намеревался защищать ее. Травница сжала его плечи ладонями и крепко притянула к себе.

Крутояру сделалось смешно, но веселье то было горьким.

— Зачем ты принес в избу мечи? — спросила Умила хрипловатым, испуганным голосом, не сводя с кметя настороженного, колючего взгляда.

Она даже не посмотрела на осколки, что валялись у нее под ногами.

— Чтобы было спокойнее.

— Кому? — шепотом тише шелеста травы выдохнула она.

— Мы не лиходеи, — вновь повторил Вячко.

Он стоял в дверях, словно не решался пройти.

— Мы не причиним никому из вас зла.

— Все так говорят! — вдруг сорвался на крик Лют, и травница тотчас зашипела на него, уцепившись за плечо.

Мальчишка осекся и замолчал, испуганно бегая взглядом с кметя на княжича.

— Так какому князю ты служишь, витязь? — с дальней лавки раздался хриплый голос старика.

Он только откашлялся и смог заговорить. Крутояр резко повернулся к нему: дед, в отличие от внуков, довольно улыбался, его глаза светились торжеством.

— Я сразу тебя разглядел. Сразу, — прибавил тот важно.

Вячко бросил на Крутояра быстрый взгляд и коротко мотнул головой.

— Мы не будем об этом говорить больше, — отрезал тот сурово. — Мечи останутся при нас. Так спокойнее будет всем, — и он покосился на Умилу, которая, вздернув подбородок, уже отвернулась к печи.

Кметь обождал еще немного, а затем подошел и опустил на лавку рядом с Крутояром, протянул ему двое ножен: с мечом да кинжалом.

— Прикопал их неподалеку на опушке. Мыслил, не понадобятся, — рассказал негромко.

Почувствовав ладонью знакомую рукоять, Крутояр воспрянул духом. Ништо, и не такие раны на нем затягивались. Зарастет и эта. Только побыстрее бы. Им нужно торопиться. Выбраться из этой глуши как можно скорее. Чтобы отправить весть отцу на Ладогу да воеводе Стемиду в Новый град.

Вскоре их начнет искать не только наместник Велемир. Они уже, верно, припозднились, и Стемид хватился отряда с княжичем. Вскоре слухи дойдут и до Ладожского терема...

Здесь Крутояр оборвал себя, приказав не думать. Отец отправился в Великую степь, он узнает не скоро. А вот матушка...

Княжич замер, словно его гром поразил, а затем повернулся к Вячко, который по-прежнему сидел на скамье.

— Отец ушел в Степь, — пробормотал он сквозь зубы, чтобы никто не подслушал. — Коли в княжестве предатели да заговорщики... коли они в тереме да дружине... ты должен оставить меня и вернуться на Ладогу. Ты должен предупредить...

— Нет, — отрубил Вячко. — Я тебя одного не оставлю. Отсюда мы уйдем вместе или не уйдем никак.

— Но заговор! — вскинулся было Крутояр, и тяжелая ладонь кметя опустилась ему на плечо, заставив замереть.

— Я тебе все сказал. Ты хоть и княжич, но в дружине твоего отца я — десятник и стою тебя выше.

Он взвился, но острая боль скрутила бок, заставив обессиленно рухнуть на лавку. Вячко сурово на него посмотрел.

— И не глупи, княжич. Не то свяжу.

Следующий день выдался для Крутояра самым тяжким. Гадкое такое чувство, когда вроде окреп уже и кажется, что горы можешь свернуть, а ноги не несут. Пять шагов — и все. Измученное тело требует отдых, голова начинает кружиться, и приходится искать лавку, обливаясь липкой испариной и ругая сквозь зубы клятое бессилие.

Травницы в избе не было уже с самого утра. Потом он услышал от Люта, что Умила отправилась в лес, собирать мох. Вячко взялся проконопатить им к зиме избу. А братца с собой не взяла, оставила приглядывать за лихими чужаками.

Строптивница им не доверяла.

Но от помощи не отказалась.

Крутояр, которого косые взгляды какой-то лесной девки задевали гораздо сильнее, чем следовало, пожаловался на ее дурной нрав Вячко. Княжич как раз преодолел себя и вышел аж на покосившееся крыльцо, глотнуть воздуха. С изумлением он увидел, что ладожский десятник, добрый, крепкий воин, валялся на земле и, бормоча ругательства, разбирал сгнившую ступеньку. Был он весь вымазан, рубаха испачкана, в волосах торчали щепки. Рядом с ним — рукой подать — лежали ножны с мечом.

— Она на тебя лютым волком глядит, а ты ей подсобляешь? — Крутояр неодобрительно покачал головой.

— Она тебя выходила, княжич, — кметь покосился на него, как на человека, который слаб умом.

И это было справедливо.

Но Крутояр не привык, чтобы девки на него глядели так косо. И потому насуплено дернул подбородком.

— А не пустила бы двух страшных чужаков в избу — и не ведаю, в каком бы овраге мы ночевали, — добавил Вячко и так на него посмотрел, что княжич решил больше о стропливой травнице не заговаривать.

Много чести для лесной девчонки!

Крутояр обернулся на дверь, чтобы убедиться, что плотно ее за собой прикрыл. Накануне они уже говорили об этом, но он все еще не был уверен, что Вячко рассудил правильно.

— Может, коли обойдется с наместником Велемиром, меня здесь оставишь, а сам на Ладогу поспешишь?

Утром от колодца Умила принесла чужие слова, что наместника в поселение ждали завтра к вечеру. Им повезло, что старая изба травницы стояла на отшибе, и за все время приходили сюда лишь те парень с девкой, которых слышал Вячко. Иначе нипочем бы им не укрыться от людей Велемира.

— Ты погоди еще, — Вечеслав отряхнул от щепок ладони и резво вскочил на ноги. — Неведомо, как все с наместником выйдет.

— Мыслишь, она нас выдаст? — тут же ошетинился Крутояр.

— Только на себя беду накличет, — Вячко отмахнулся. — Но в избе хорониться — опасно. В лес уйти, хоть бы и на одну ночь — так ты еле на ногах стоишь.

Княжич оскорбился до глубины души.

— Я сдую. Коли нужда будет, — обронил коротко.

— Я знаю, — кметь невесело усмехнулся. — Но чем быстрее ты справишься, тем быстрее выдвинемся в Новый град. Что проку попусту раны твои беречь?

Он вздохнул и растрепал ладонью волосы, отливавшие на солнце медью.

Крутояр опустил голову. Он храбрился, вестимо, но Вячко был прав. После ночи в лесу отлеживаться ему на лавке три дня кряду. Он и нынче еле стоял и чувствовал, как по ногам разливалась слабость.

— Покличь Люта, пусть подсобит мне с крыльцом. Нечего без дела на лавке портки просиживать, — бодрый голос кметя выдернул его из невеселых дум.

На губах княжича мелькнула слабая улыбка. Он вернулся в избу за мальчишкой, а потом, заупрямившись, вышел следом за ним на крыльцо. Ништо, надо как-то обвыкать. Постоит еще немного, не переломится. Может, быстрее раны заживут. Лучше так, чем день-деньской на лавке валяться.

Лют принялся подсоблять, но нет-нет да и поглядывал жадно на ножны, которые лежали в шаге от крыльца. Пару раз голову так выкрутил, что диво, как шею себе не свернул.

— Вячко, — вскоре мальчишка осмелился попросить, — дозволишь... дозволишь на меч твой глянуть?..

Сказал и губы, пересохшие от волнения, облизал.

Крутояр хмыкнул. Сразу видно, родился и вырос среди простого люда, иначе бы знал, что никакой воин не позволит чужаку своего меча коснуться. Мало ли какие помыслы бродят у того в голове? Мало ли какие заговоры может нашептать?

В отцовской дружине от таких просьб сопливых мальчишек быстро отучали затрещиками. И потому у Крутояра дыхание сбилось, когда Вячко вместо тумака, помедлив и смерив замершего Люта внимательным взглядом, вдруг кивнул.

А потом и вовсе сказал.

— Бери.

Даже не передал ему ножны рукоятью вперед. Дозволил какому-то лесному мальцу прикоснуться к клинку!..

Княжич подался вперед, на миг позабыв и о ранах, и о боли, но сам натолкнулся на тяжелый взгляд Вячко. Тот едва заметно мотнул головой, и Крутояр, проглотив возмущение, также уставился на Люта.

Мальчика же с благоговейным трепетом приблизился к ножнам и опустил на землю. Слотнул волнение — аж кадык дернулся — и протянул дрожащую ладонь, погладил витиеватый узор... Казалось, Лют не дышал. И забыл, что был не один, не чувствовал направленных на него взглядов. Все исчезло, мир вокруг померк — остался мальчишка и ножны. Он взял их и устроил себе на бедрах. Коснулся рукояти, поиграл пальцами — и Крутояр вздрогнул, узнав жест.

Он точно так же перебирал пальцы, когда брал за меч. Но то он... ему отец выструганную деревяшку еще в люльку положил. А Лют — мальчишка из избы на опушке леса...

А тот, наконец, набрался решимости и чуть выдвинул меч, обнажил сверкнувший даже в туманный день клинок. И зажмурился, словно ослепленный, и губы у него быстро-быстро зашевелились. Лют что-то бормотал себе под нос — очень тихо, слов было не разобрать.

Крутояр и сам задержал дыхание, наблюдая за мальчишкой. Тряхнув головой, он покоился на кметя. И удивился резкой перемене. Вячко сидел вроде бы расслабленно, но княжича не обманешь. Был его наставник напряжен, как перед битвой. Глаза прищурены, пристальный взгляд — прикован к одной точке, к Люту, который не мог насмотреться на клинок.

Вскоре мальчишка все же отмер. Поспешно задвинул лезвие в ножны, бережно вернул их на землю, откуда взял. Потом выпрямился, отряхнул руки о портки на бедрах и вдруг поклонился Вячко низко, почти до самой земли.

— Благодарю тебя, добрый человек, — выдохнул и сбежал в избу, никто и слова сказать не успел.

А когда дверь хлопнула, Вячко кивнул несколько раз, словно убедился в чем-то.

Травница II

На другой день, ближе к вечеру Мстислава отправилась в поселение. Староста Вторак велел, чтобы встречать наместника явились все. А еще хотела она обменять травяную настойку, которую сделала, чтобы одолеть лихоманку незваного гостя, на снесь.

В избе прибавилось едоков, но не работников. Приходилось стряпать на пятерых, и оба чужака, назвавшиеся Вячко и Яром, ели за семерых. Скудные припасы Мстиславы таяли на глазах, а сказать что-либо не позволяла гордость.

Отец любил говаривать, что гордость и честь — все, что остается у человека перед смертью. Его самого погубила честь. Пока выходило, что дочери уготована судьба страдать от гордости.

Если бы Мстислава была поговорчивее да поласковее глядела хоть на того же Славуту, может, и изба была к зиме добротню проконопачена, и козочку удалось завести, и снеди было в избытке.

Но ласково глядеть она разучилась четыре зимы назад, в Новом граде. Как и доверять. Жених отучил.

Перехватив горшок, который прижимала к боку, второй рукой Мстислава поправила накиннутый на плечи платок. Дни становились студеными, осень выдалась холодной, а ведь не минула еще и половина. Впереди же их ждала такая же холодная зима...

— Мила! — ее заметила и окликнула красивая, молодая женщина в нарядном платке. Она держала за руку мальчонку — того самого, который сунул ладошку в печь и которому травница варила мазь от ожогов.

— Насилу тебя догнала, запыхалась, — жена дядьки Молчана, Раска, приветливо ей улыбнулась. — Поблагодарить хотела за снадобье моему горемыке. Руки у тебя золотые, ему полегчало, едва я тряпицу приложила!

Мстислава улыбнулась и, поколебавшись, потрепала мальчонку по светлым волосам.

— Больше в печь ладони не суй, — сказала строго.

— А что это ты? Для кого? — Раска пошла с ней вровень и кивнула на увесистый горшочек.

— Да так, — Мстиша повела плечами. — Сготовила с избытком. Может, кому сгодится.

— Елкой пахнет как, — протянула женщина, приняхавшись. — Я помню, елка — она от лихоманки. Это кого у тебя прихватило? Неужто братишку?

Мстислава щелкнула про себя языком. Разболталась! Да и спутница ей уж больно глазастая да сметливая попалась.

— Деда Радима, — отговорила совсем коротко.

— Да? — Раска бросила на нее косой взгляд. — А я его только по утру видала...

Во рту сделалось сухо-сухо, но травница велела себе улыбнуться.

— Да вот набегался в одной рубахе-то, а нынче лежит на полатах — а сам горячий, как печь!

— А-а-а-а — лоб женщины разгладился. — Ну, помогай Макошь.

— Благодарствую, — Мстислава перевела дух.

Благо вышли к середине поселения, где избы стояли кучно, и окружили их другие женщины и девки, и Раске нашлась собеседница поговорчивее. Мстиша же чувствовала, как под рубахой по хребту одна за одной скатились капли пота, который прошиб ее, когда Раска принялась расспрашивать.

Мстислава-то, вестимо, складно врать выучилась за четыре зимы. Коли жить хочется, то многое выучишь. Но прежде в избе могла она отдохнуть и не притворяться, а нынче дома стало так же страшно, как и везде.

Она шагала встречать наместника с упавшим сердцем. Люта брать не стала, чтобы при-
сматривал тот за чужаками. Нынче себя корила: а коли обидят его? Мало ли что она услышит.
Кого там разыскивают уж какой день по лесам, полям да деревням? И дураку ясно, что из-
за пустяка наместник Велемир терем не покинул бы да на коня не забрался. Стало быть, при-
ключилось что-то.

Но дурное ли? Хорошее ли?..

Люди, собравшись у избы старосты, гудели и переговаривались, без дела переступали с
ноги на ногу. У Мстиславы руки давно затекли держать нелегкий горшок. Уж все было обсуж-
дено: у кого как корова утром подоилась, кто сколько куделей выпрял, у кого после полевых
работ прихватило поясицу, чья дочка миловалась на сеновале с парнишкой, за которого не
была просватана...

Мстислава только по сторонам цепко глядела да, высмотрев Славуту, переходила
подальше, от одной тесной кучки баб да девок к другой. Говорить с ним не хотелось отчаянно.

— А ну цыц! — во всю глотку рывкнул староста, когда вдали показался край личного
стяга наместника Велемира.

— Ой, бабоньки, нынче на витязей полюбуемся, — пискнула одна молодка.

Мстислава хмыкнула и отвернулась. Она в свое время налюбовалась. Так налюбовалась,
что вовек бы никого не видела.

— Молчи, дура! — прикрикнули на нее мужики. А следом почти сразу расправили
пошире плечи да ноги расставили.

Наместник Велемир возглавлял конный отряд из дюжины воинов. Они остановились
недалеко от толпившихся, и тогда вперед ступил староста Вторак и первым поклонился гостям.

— Здрав будь, Велемир Переславич, — зычно промолвил он и коснулся земли ладонью.

Ему вторили все жители поселения. Мстислава чуть горшок не выронила, пока гнула
спину. Распрямившись, принялась украдкой разглядывать наместника и дружинников. Сердце
тоскливо зануло. Когда-то простой люд так кланялся ее отцу. Когда-то витязи, что брезгливо
морщились нынче, сворачивали головы ей вслед, а батюшка гонял их с подворья, чтоб не смели
засматриваться на дочку.

Когда-то...

Пришлось до боли закусить щеки, чтобы прийти в себя.

Наместник Велемир был молод и пригож собой. Открытое лицо без шрамов — редкость
для воина. Волосы цвета липового меда придерживала на лбу нарядная, шелковая перевязь.
Плащ его не уступал, пожалуй, княжескому.

Вокруг полетели восхищенные бабьи вздохи. Красив. Чем-то напоминал Станимира, и
Мстиславе захотелось сплюнуть себе под ноги.

Заместо, она лишь крепче перехватила горшок да прислушалась. Староста как раз окон-
чил приветственные речи, на которые молодой наместник ответил устало и как-то недобро.

— Не заходил ли кто в деревню чужой, мужик? — спросил тот нетерпеливо, едва Вторак
Младич умолк.

— Не видали, господине... — отозвался поспешно, но досаду скрыть не сумел.

Он-то, верно, чаял, что наместник с ним по-другому говорить станет. Потому и всем
явиться велел, чтобы поглядели, как его милостью осыпят да обласкают.

Оказалось — глядеть станут на иное.

— Не брешешь? — Велемир Переславич нарочно потянул поводья, и жеребец под ним
заволновался, переступил с ноги на ногу. — А коли по избам молодцев своих пушу? Девок
ваших за косы оттаскаю?

Он прищурился, разглядывая толпу, и Мстислава поспешно опустила голову. Хорошо
быть красивой, когда ты дочка воеводы. А когда — чужая, хилая девка без роду, без племени,
и некому за тебя заступиться, то красота — проклятье.

— Что ты, что ты, господине... — совсем другим голосом заговорил староста. — Да мимо меня и мышь не проскочила бы, живу, почитай, подле большака!* Никак тут не пропустить.

— А они не дурни, чтобы по дорогам разгуливать. Лихие люди, все больше по лесам да околицам. Ну! — раскатистым громом прикрикнул вдруг наместник. — Кто у вас на отшибе живет?

Мстислава и осознать не успела, как в одно мгновение оказалась одна. Толпа вокруг нее расступилась, словно и не было никого, а на устах Велемира Переславича сверкнула хищная улыбка.

— Это что тут за краса? — протянул он с нарочитой ленцой и под улюлюканье своих молодцев плавно стек с жеребца и шагнул к Мстиславе.

Она стояла ни жива ни мертва. Только чувствовала, как пылали щеки.

— Это Милка, травница да сирота, — угодливо подсказал староста.

— Мила, стало быть. Милуша, Милена... — мягко ступая, Велемир шел к испуганной девушке.

Мстислава не поднимала взгляда, вцепившись в горшок до побелевших пальцев. Было ей страшнее, чем четыре зимы назад, когда в отцовский терем ворвались предатели да убийцы. Тогда в ней жила глупая, отчаянная надежда, что их спасут, защитят, оборонят.

Так оно и случилось, нашлись верные люди.

Нынче же... Нынче она была одна, и никто не придет и не спасет.

Она моргнуть не успела, когда наместник прыжком приблизился и схватил за косу, больно потянув. Мстислава неловко вскинула к волосам руки, выпустив горшок, и тот упал на землю, и снадобье болотного цвета вылилось на красивые сапоги Велемира.

— Ах ты дрянь! — крепко держа ее за косу, второй ладонью ударил по лицу наотмашь. — Косорукая тетеха! — еще одна пощечина пришлась на другую щеку.

Мстислава тонко вскрикнула. И от боли, и от обиды, и от ужаса, потому что лицо наместника исказила ярость. Три дня поисков ничего не дали, а тут под руку так удачно попалась деревенская девка. Еще и сапоги ему испачкала!

Велемир замахнулся и в третий раз, но все же не ударил.

— Где живешь? — спросил и сильнее сжал волосы в пятерне, пребольно натянув.

— На опушке... — выдохнула Мстислава, потому что отпираться толку не было.

— Показывай. Ну! — наместник сперва пихнул ее в спину так, что она едва не свалилась на землю, затем, забавляясь, перехватил косу и дернул.

— Ай! — вырвалось у нее невольно.

Откликом ей послужил громкий, раскатистый смех. Забава над безответной девкой многим пришлась по вкусу.

Но Мстиславе все же повезло. Наместнику быстро наскучило ее тянуть, и он просто шел рядом с ней, каменной хваткой сжав плечо. Она чувствовала, как на нежной коже расцветали синяки.

Отметины от его пальцев и даже ссадина на щеке от перстня не тревожили Мстиславу. Она шла, спотыкаясь, и молилась всем Богам, чтобы в избе кто-нибудь загодя их услышал. Чтобы двое чужаков укрылись в подклети.

Иначе... иначе она боялась помыслить. Лучше уж на меч упасть, чем испытать на себе гнев наместника Велемира.

Из оцепенения ее вырвал веселый лай, переросший в жалобный скулеж. Мужчина походя пнул щенка, который выбежал порезвиться с ногами прохожих. Они уже отошли далеко, а у Мстиславы в ушах все стоял его писк.

— Это изба али развалюха? — засмеялся наместник, когда они добрались.

Староста, которому он велел идти с ними, улыбнулся, но лицо у него было белее снега. Искренне развеселились лишь дружинники.

— Ну? — Велемир грубо развернул Мстиславу к себе и пихнул к крыльцу.

Она еще успела подивиться, что ступенька больше не проваливалась...

— Ступай в избу, поглядим, кого ты там привечаешь, красавица.

Сердце у Мстиславы ухнуло в пятки, когда она толкнула дверь. Еще из сеней пыталась прислушаться к тому, что творилось в горнице, но звон в ушах помешал.

Изба ее была невелика, и внутрь поместились лишь сама травница, бледный староста, наместник да двое его молодцев.

Когда они вошли, к ним изумленно обернулись дед Радим да Лют. Старик лежал на лавке, а братец сидел прямо на полу и держал в руках тряпку. Выглядело так, словно пятно затирал.

Ноги у Мстиславы ослабели, и она неловко, будто слепая, шагнула к столу, привалилась к нему бедром. Совсем рядом лежал нож, которым она нарезала овощи в похлебку. Коли удастся его схватить...

— Ну?! — рявкнул наместник. — Чего расселся, щенок? А ты, старый, чего zenки пialiшь?

Лют вскочил и метнулся к печи. Во все глаза смотрел на сестру, а она на него, пытаясь безмолвно спросить, спрятал ли он чужаков в подклеть.

Сердце ее вновь затрепетало, когда заметила, что была сдвинута занавеска на полатах над печкой. Туда как раз могли уместиться двое справных молодцев.

Заметил это и наместник Велемир.

— Ну-ка, проверь, — велел одному из своих людей.

Тот выдрал занавеску с мясом и отбросил на пол, словно ненужную тряпку.

Мстислава пошатнулась и оперлась ладонью о стол. На полатах никого не оказалось.

— Обыщи тут все, — бросил наместник, хотя изба была небольшой, и одного взгляда хватило, чтобы ее окинуть.

Но его человек, поправив пояс с ножами, с удовольствием прошелся по избе, поскидывал со стола утварь, пошарил на полках, распотрошил мешочки с сушеными травами, посрывал с веревок веники... Даже в печь заглянул.

Мстислава прикусила губу и отвернулась. Сил наблюдать за разграблением избы не было.

— Ну-ка, — взгляд Велемира упал на Люта, жавшегося к печи. — Поди сюда.

Мальчишка сперва посмотрел на перепуганную сестру, и когда та кивнула, сделал, как ему велели.

— Говори как на духу: бывал в избе кто чужой? Привечали кого? — для острастки наместник схватил Люта за ворот рубахи и притянул к себе.

— Н-нет-нет, господин. Никто чужой из леса не заходил, — сболтнул лишнего мальчишка, и Велемир почувал.

— А разве ж я сказал про лес? — он нехорошо прищурился, оттолкнул Люта и шагнул к центру горницы.

Мстислава не дышала и не отводила взгляда от его сапог, испачканных ее снадобьем. Еще немного, и он наступит на крышку, которая вела в подклеть... Еще совсем немного, и все они будут мертвы.

Но...

— Как тебе стыд глаза не жжет? — но, прокашлявшись, с лавки заговорил дед Радим.

Мстислава метнулась к нему и отчаянно покачала головой. «Не надо!» — хотелось крикнуть ей.

Но тот, кто спас их, вывезя из сожжённого терема и Нового града, и нынче не собирался отсиживаться в стороне.

— Ты кто такой, старик? — Велемир круто развернулся на каблуках, половицы под его сапогами отчаянно заскрипели, и Мстислава пальцами впилась в столешницу.

На нее никто не смотрел, и она сделала крошечный шагок в сторону. Затем еще и еще, пока не почувствовала под ладонью рукоять ножа.

Хоть что-то.

— Я тот, кто не видит чести в том, чтобы обижать слабых. Нашел, с кем удаль показывать: сопьяк да девка, — выплюнул дед Радим, поглядывая на Велемира с отвращением.

— Ах ты, старый пень, смеешь еще учить меня?! — озверел тот. — Меня, наместника, которого на эту землю князь Ярослав из Ладоги посадил? Я для вас здесь князь! И указ! И длань карающая.

И, не стерпев, он кулаком ударил деда Радима. Тот даже не вскрикнул, завалившись навзничь на лавку. Мстислава бросилась к нему, заметила кровь на лице, но проскочить мимо Велемира не смогла. Тот вновь поймал ее за косу, намотал на кулак и пихнул девушку на колени рядом с собой.

Ей почудилось, чуть приподнялась крышка, ведущая в подклеть, и в темноте сверкнул чужой взгляд.

— Совсем власть княжескую позабыли! — бушевал Велемир, выговаривая старосте. — Я двух лиходеев изловлю и вернусь! — грозил он Втораку, который медленно оседал по стене на пол. — Всю тяжесть моей руки отведаете!

Замолчав, наместник огляделся. Нашел лавку и грузно на нее опустился, чтобы отдышаться.

— Ты! — рывкнул на Мстиславу и вытянул ноги. — Омой мне сапоги.

Она вздрогнула и вскинула голову. Коса ее растрепалась, и часть прядей выбилась, и упала ей на лицо, завесив глаза. Она обожгла Велемира лютым взглядом, в голове мелькали картинки-воспоминания, и все смешалось у нее сейчас. Как жила раньше, как живет теперь.

Мстислава хотела бы плюнуть наместнику на его клятые сапоги. Задрать голову и рассказать, кто она. Кем была. Кто есть. Несмотря на убогую избу, серую рубаху и то, как унизил ее Велемир.

Но позади на лавке хрипел дед Радим, в подклети прятались двое чужаков, а за спиной дрожал младший брат.

И потому она кивнула, на деревянных ногах поднялась и пошла за миской с водой, и в спину ей летел хохот Велемира.

— Ух, как зыркнула на меня глазищами! Тебя тоже поучу, девка, как вернусь.

Она сбилась с шага и замерла на мгновение, но затем слепыми руками нашарила тряпку и вернулась, опустилась на пол рядом с Велемиром.

— Мстиша... — выдохнул Лют шепотом, так, что наместник не услышал, и присел подле нее, забрав из рук миску. — Давай я.

Она бездумно кивнула.

Но забава скоро наскучила Велемиру. И потому он вскочил, когда Лют взялся обтирать второй сапог, перевернул напоследок миску с грязной водой и окинул избу цепким взглядом.

— Все у меня вот здесь будете, — погрозил кулаком, сунул его под нос старосте Втораку и вышел прочь.

Когда хлопнула дверь, в горнице стало так тихо, что стук собственного сердца показался Мстиславе оглушающим. Она посидела еще немного на полу, слепо разглядывая дрожащие руки, а потом опомнилась и метнулась к деду Радиму.

Тот хрипел, откинувшись на спину.

— Мстишенька, голубка... — узнав ее, открыл глаза и зашарил старческой ладонью по груди.

Закусив губу, Мстислава помогла ему ослабить завязки и сдвинуть ворот рубахи. Дед Радим скользнул под него рукой, а, вытащив что-то, вложил кожаный мешок в окаменевшие пальцы травницы.

— Грамотка... сохрани... голубка... — пробормотал побелевшими губами.

Вздыхнул в последний раз и затих. Мстислава, которая уже умылась слезами, разлепила мокрые ресницы и осторожно тронула старика за плечо.

— Дедо?..

Где-то сбоку всхлипнул Лют.

Оба не услышали, как за их спинами с тихим шелестом приподнялась крышка в подклеть, и в горницу вылез сперва Вячко, а после подал руку Яру. Чужаки застыли прямо там, где стояли, осматривая разоренную, поруганную избу. Они слышали каждое слово, каждое ругательство, сорвавшееся с языка наместника, которого прежде считали своим.

Таким же, как и они.

Нахмурившись, Вячко скользнул взглядом по перевернутой миске и грязной тряпке, по выпотрошенным полкам, по разбросанным на полу пожиткам. Затем зацепился за старика на лавке и рыдавших рядом с ним Умилу и Люта. Он подошел поспешно и склонился над лицом деда Радима, пытаясь уловить дыхание.

Но тот больше не дышал.

У травницы дрожали плечи, все тело сотрясало — так горько и безутешно она рыдала. Растрепавшаяся коса вилась по спине и ниспадала почти до пола, воротник рубахи был порван и сдвинут, из-под прорехи прямо на Вячко смотрели следы от чьей-то жесткой хватки.

Несложно было догадаться.

Плач Умилы, которая хватала старика за руку, словно был тот веревкой, удерживавшей ее на плаву, рвали Вячко душу. Он протянул ладонь, желая коснуться, утешить, но та, едва почувствовав, рванула в сторону, отпрыгнула от чужака и от лавки и выверилась на мужчину.

— Не трогай меня! Это все из-за тебя, из-за вас! — просипела Мстислава сорванным голосом, озираясь по сторонам, словно тень наместника Велемира все еще довлела над нею.

На одной щеке у нее вспухла ссадина, краешек губ был разбит.

— Ненавижу! — выкрикнула, стиснув кулаки, и вдруг метнулась прочь из избы — только дверь хлопнула.

Перепуганный Лют рванул за нею.

— Мстиша! — еще и окликнул не тем именем.

Но Мстислава уже не слышала.

Вылетев во двор, она жадно вдохнула воздуха и побежала куда глаза глядят. Остаться в избе, подле деда Радима не было мочи. Ноги сами принесли ее на околицу поселения. Там в канаве по-прежнему жалобно поскуливал щенок. А вокруг было тихо и темно. Наместник и его люди уехали, и жители попрятались по избам, напуганные.

Жалеть понева было уже без толку, и потому Мстислава сползла вниз прямо по траве и мокрой земле. Она почти ничего не видела, но почувствовала, когда влажный нос ткнулся ей в ладонь.

Слезы брызнули из глаз, и она на ощупь схватила щенка и прижала к груди.

— Тише, тише, мой маленький. Тише, — зашептала, успокаивая.

Щенок благодарно лизнул сперва нос, затем щеку. Словно почувствовав ее слезы, вновь тонко, жалобно тьякнул.

— Ну все-все, — заворковала как над ребенком. — Не буду больше плакать. Не буду.

С третьего раза ей удалось выбраться из оврага. По-прежнему держа щенка у груди, Мстислава побрела в избу. Она прошла по мосткам, перекинутым через ручей, и обогнула лесную опушку, когда увидела вдали светлое пятно. Но отчего-то не испугалась. Верно, бояться уже не осталось сил.

А приблизившись, разглядела чужака по имени Вячко. Тот стоял недалеко от избы и всматривался в лес.

Словно кого-то ждал.

Когда Мстислава с ним поравнялась, внутренне вся съежилась и еще крепче прижала щенка к груди. Вячко окинул ее взглядом, который у нее не получилось истолковать. Про щенка ничего не сказал, лишь сильнее свел на переносице брови.

Она хотела бы проскользнуть мимо, но замерла перед крыльцом, словно силы разом ее покинули. Изба, которая была им худым, но домом долгие четыре зимы, быть им перестала. От мысли, что в горнице лежал на лавке дед Радим... лежал и не дышал... у Мстиславы все внутри скручивалось в тугой узел.

Она ведь повидала немало смертей. То побоище не забудет до последнего своего вздоха. Отец, мать...

Но нынче не могла и шагу ступить.

Чужак же не уходил — словно нарочно. Топтался за спиной, и Мстислава всей кожей ощущала его дыхание. Его самого... А он молчал, словно понимал ее. И даже не торопил.

— Когда отца убили, — обронил вдруг хрипло, и в тишине ночного леса его голос прозвучал раскатом грома, — я знал себя виноватым. Но ты... ты себя не кори.

Мстислава поежилась, потому что по плечам и спине россыпью пробежали мурашки. Она вздохнула и умудрилась кивнуть, так и не подняв головы.

Припомнила, что бросила в сердцах Вячко в лицо и не стала повторять. Коли и была на ком вина, так на наместнике Велемире... чтоб отвернулся от него Бог-Громовержец Перун, чтоб его род не узнал продления.

Сжав зубы, Мстислава, наконец, отыскала силы и поднялась на крыльцо. Вновь подметила свежечиненную ступень... Кому теперь это нужно...

Едва вошла, взгляд сразу метнулся к деду Радиму. Того уже уложили ровнее на лавку и с ног до головы укрыли белым полотнищем. Щенок, завозившись в руках, отвлек травницу. Она моргнула и опустила его на пол. Оба — и брат, и второй чужак — прикипели к нему изумленными взглядами.

— Откуда ты его взяла? — выдохнул Лют и подорвался с лавки, подошел поближе и сел на корточки, чтобы погладить.

Щенок, радостно твякнув, подставился под протянутую ладонь.

— Его тоже наместник Велемир обидел, — тихо сказала Мстислава.

Пока ее не было, в избе малость прибрали. С пола подняли все сорванное и разбитое, и теперь уцелевшая посуда, связки сухих трав, ее горшочки и мешочки вразнобой лежали на столе. Она подошла и задумчиво обвела пальцами пузатый бок. Она помнила, как ходила в лес, собирала и сушила каждую травинку. Как толкла и перетирала, как варила снадобья — в точности, как учила матушка...

— Я воды из ручья принес, — Вячко указал ей на ведро у печи.

Ресницы у Мстиславы дрогнули, и она впервые посмотрела ему в глаза.

— Благодарю...

— Как станем его звать? — спросил Лют, забавляясь со щенком.

— Ты ему сперва водицы налей. И пожевать дай, — добродушно присоветовал Вячко.

Мстислава, зачерпнув немного ушатом, скрылась за занавесью, которую также вернули на прежнее место: между печью и стеной. Там она смыла слезы и кровь, приладила, наконец, косу, о которой позабыла. И даже не устыдилась тому, как ходила на глазах у двух чужаков.

Сил не было. На месте сердца тлело пожарище, а грудь, напрочь, была словно покрыта толстой ледяной коркой. Она ничего не чувствовала. Ни боли, ни горя, ни усталости.

Лишь выжженную пустоту.

Когда вышла из закутка, то увидела, что и брат, и оба чужака уселись за стол — на дальнем краю, где ничего не лежало.

Вячко смерил ее взглядом.

— Надобно нам поговорить, — и подбородком указал на лавку.

«И впрямь», — согласилась Мстислава и заставила себя пройти к столу мимо деда Радима.

Сердце сжалось, и невольно она поднесла ладонь к груди, растерла, словно это могло как-то облегчить боль. Заерзав, Лют подвинулся, и она села на лавку рядом с ним. Оба чужака оказались напротив.

Все виделось таким чудным, что где-то глубоко внутри еще горела искорка надежды: вдруг ей приснился дурной сон? Вот-вот откроет глаза, и кошмар окажется маревом?..

Ну, где это видано, чтобы мальчишку вроде Люта за один стол сажала со взрослым мужем? Как равного. Еще и к разговору приглашали...

Такое только во снах и случается!..

Мстислава почувствовала, как к ногам подошел и завозился щенок. Он был теплым, и это немного согрело ледяную глыбу, застрявшую у нее в груди. Сморгнув глупые слезы, она вцепилась ладонями в лавку.

— Кто вы такие? — спросила, потому что Вячко медлил.

Лишь глядел на нее.

— Отчего наместник так лютовал? — прибавила тише и повела плечами, пытаясь подавить дрожь.

И Вячко, и Яр обменялись быстрыми взглядами. Ей даже помстилось, что старший ударил младшего по ноге, когда тот вознамерился ответить, и заговорил сам.

— Мы — дружинники, а не лихие люди. Тут наместник Велемир солгал. Он о многом солгал, — сказал и стиснул на столе кулаки.

Мстислава проследила, как напряглись, надулись жилы и отвела взгляд. Другой кулак еще долго будет являться ей в кошмарных снах.

— Мы шли в Новый град. У нас... дело там.

Он вновь не говорил всей правды. Она и не ждала. И, верно, даже не хотела ее слышать. Коли наместник сам явился за ними и лютовал, потому что не нашел — страшно и помыслить было, что за мужей она по дурости пустила под свою крышу.

Вячко навалился грудью на стол, подался вперед, словно хотел сказать что-то еще. Но вдруг осекся и резко мотнул головой.

— Вам нельзя здесь оставаться. Коли вернется Велемир...

Мстислава крепилась, но все же не совладала с собой. Вздогнула и обхватила ладонями предплечья, пытаясь не то согреться, не то обнять саму себя.

— То станет лютовать намного, намного хлеще, — жестко договорил Вячко.

Она обожгла его взглядом. Словно она сама не разумела! Нашто пытался испугать ее?.. Куда уж сильнее, она и так тряслась. Корила за слабость, но все одно — дрожала.

— Это наш дом.

Мстислава молчала слишком долго, и Лют решил заговорить.

— Больше нет, — еще жестче отрезал чужак.

— Куда же мы пойдем... — совсем растерянно прошептал мальчишка.

— Идемте с нами. В Новый град.

У нее вся кровь отхлынула от лица. Хорошо, что вцепилась пальцами в лавку, иначе непременно пошатнулась бы. Лют рядом тоже взметался, обеспокоенно повернулся к сестре. И Вячко не отводил от нее душащего, давящего взгляда.

— Мы проводим, там подсобим, — добавил молчавший до того Яр. — Не бойся. Мы не обидим.

Крылья носа у Мстиславы затрепетали, и она почувствовала, как губы кривит злая усмешка. Пожалуй, она наместника Велемира страшилась меньше, чем вернуться в Новый град. Пока пыталась отдышаться, вспомнила, как дрожащими руками дед Радим сунул ей кожаный мешочек.

Поглядеть бы на ту грамотку...

— Нет, — она решительно пресекла свои размышления. — В Новый град мы не пойдем.

Лют дернулся, но смолчал. Лишь уронил на грудь голову, и темные волосы закрыли лицо и влажно блестящие глаза.

— Велемир воротится, — сказал Вячко.

Как будто она забывала!

Невольно, самым краешком сознания Мстислава отметила, с какой легкостью чужак звал наместника на имени. Не прибавлял ни «господин», ни хоть бы «наместник»... Неужто были знакомы?..

Закусив губу, запретила себе даже думать об этом. Многие знания — многие печали, а у нее их на несколько жизней наберется.

— Идем с нами. Мы подсобим, — повторил Вячко, смягчив голос. — Ты обогрела нас. Не выдала. Спасла моего друга. Позволь отплатить за добро добром.

Мстислава отчаянно замотала головой.

— Здесь нам жизни больше нет, но и в Новый град с вами не пойдем. Расстанемся на перепутье, и будет с нас довольно.

Лицо у Вячко вытянулось, и он сузил глаза. Он себя еще сдерживал, а вот у второго, у Яра, она ясно увидела на лбу, какой дурной девкой он ее считал. С глупыми мыслями.

Но как бы они могли вернуться? Четыре зимы — не срок, и когда нужно, людская память — длинная. И она, и брат знают правду. Знают, кто убил отца-воеводу, кто стал предателем, кто выступал против ненавистного ладожского князя Ярослава, чей наместник творил с людьми такие непотребства...

Их убьют, едва они ступят за ворота. Или сотворят что-то похуже.

Нет.

Лучше начать с начала.

Вновь.

Коли не обманывают ее чужаки, коли и вправду хотят отплатить добром за добро, то согласятся и проводить, куда она скажет, и дать с собой немного серебра.

Уж на этот раз заберутся они с Лютом далеко-далеко. Туда, где даже слух о Новом граде их не достанет.

— Добро, — Вячко разжал кулак и слегка стукнул по столешнице ладонью. — Медлить особо нельзя, но и спешить... Яру бы еще пару дней, чтоб на ноги встал.

— Я могу уйти хоть утром, — буркнул тот угрюмо.

— ... да и старика вашего нужно предать земле, — железным голосом закончил Вячко, словно никто его не перебивал.

— Огню, — тихо поправила Мстислава.

— Что? — оба чужака посмотрели на нее.

— Деда Радима нужно предать огню, — сказала и замолчала.

Сжигали на костре лишь воинов и князей, она знала. И знала, что ее слова сызнава могли показаться им глупой блажью, бабской причудой. Или — того хуже — выдать их тайну.

Но Мстислава не сумела заставить себя промолчать. Дед Радим был воином, верно служил ее отцу, спас их с братом, защищал и оберегал до последнего...

Как отказать ему в последней почести? Как не проводить к Перуну так, как требовал обычай?

— Добро, — повторил Вячко. — Предадим огню.

На Мстиславу он глядел так пристально и пронзительно, что она поежилась.

Кметь с косой I

Погожий осенний день клонился к закату. Чеслава стояла на просторном гульбище* ладожского терема и дожидалась мужа — воевода Буригой все возился с мальчишками из детских, обучал особым воинским премудростям, а те облепили его и никак не желали отпустить.

Мужа.

Четыре зимы прошло, а словно по-прежнему казалось непривычным. Как и простой белый убрус, под которым воительница прятала теперь пшеничные, жидкие косы.

С тех пор как князь Ярослав уехал в Степь с младшим сыном, забрав дОбрую часть войска, наставников для мальчишек поубавилось. Никто их особо по подворью не гонял, отроки да молодые кмети, оставшиеся на Ладогe, все норовили поскорее улизнуть из терема, уйти в городище, поглядеть на торг, погулять с красивыми девками — вот-вот начнется горячая пора осенних и зимних посиделок...

Уезжая, Ярослав Мстиславич оставил Чеславу за старшую в дружине. Иной раз она думала, что за неполных две седмицы слишком уж сильно ослабила вожжи того и гляди разбалует молодцев. А потом думала, что нечасто им выдавалась такая спокойная пора.

И даже в Степь князь отправился не столько сражаться, сколько повидать старшую дочь с мужем да поглядеть на внучку. А еще поучить ратному делу младшего сына Мстислава.

Потому провожали его весело, и даже жена, княгиня Звенислава Вышатовна, слез не лила и почти не тревожилась за мужа.

В Новом граде все было тихо, исправно ладожскую казну пополняло серебро от купцов, платились сборы да пошлины, и постепенно отстраивались ладьи, которые Ярослав хотел занять торговлей и пойти вниз по рекам Волхв да Ловать. Вскоре доберется до Нового града Крутояр, передаст воеводе Стемиду княжескую волю, выберут новых посадников от Ладogi, сменят нескольких бояр в вече...

Чеслава встрепенулась и поправила повязку, за которой прятала выбитый глаз. Ее старая рана. Затем услышала за спиной шаги и не стала оборачиваться, узнав княгиню Звениславу. Та остановилась рядом с воительницей и сказала, лукаво улынувшись.

— И не припомню, видела ли я тебя прежде столь довольной. Даже на свадебном твоem пиру.

Они были... подругами с княгиней. Хотя семнадцать зим назад, когда впервые Звенислава переступила порог ладожского терема, о таком помыслить не могла ни одна из них.

Чеслава лениво повела плечами.

— Осень нынче славная.

Жаль только, на погоду напоминали о себе старые раны. Чем ближе к зиме да ледяным ветрам, тем сильнее болели шрамы.

Княгиня кивнула сперва, но затем нахмурилась и вздохнула.

— Только за сына тревожусь.

Чеславе не нужно было спрашивать, чтобы догадаться, что говорила она о Крутояре. Не о младшем Мстиславе, который с отцом почти две седмицы назад уехал в Степь.

— Вячко присмотрит за ним до Нового града. А там уже воевода Стемид подхватит, — сказала она.

Звенислава кивнула, и тонко зазвенели усерязи* на ее жемчужной кике*.

— Он в ссоре уехал с отцом. Недоброе предзнаменование. Ярослав с ним слишком крут.

Чеслава покосилась на княгиню и придержала мысли при себе. Кровь кипела у княжича в голове, а разума обуздать свою горячность пока не хватало. Вот он сперва делал и говорил, а уж после думал. Надо бы наоборот.

Впрочем, у нее самой целая дюжина таких молодых да горячих нынче в подчинении ходила. И порой она не знала, что с ними делать.

— Поскорее бы пришли на торг норманнские ладьи, — вновь вздохнула княгиня. — Может, Мирошка прислала бы весточку. Как она там, уж четвертая зима как мужатая, а дитя все нет.

Мирошкой княгиня ласково звала свою падчерицу, дочь мужа от первой жены. Нынче та откликалась на Яромиру Ярославну и жила в далекой стране норманнов, женой Харальда конунга по прозвищу Суровый.

— Она мужа-то, почитай, не видит, — хмыкнула Чеслава. — Какое уж тут дитя, когда конунг в морских походах сражается за Север?

Княгиня Звенислава не успела ответить, потому как распахнулись ворота, что вели в терем, и на подворье показался запыхавшийся дозорный.

— Наместник Велемир едет, — выпалил он, едва коснувшись сапогами земли.

Чеслава уже заспешила ему навстречу, привычным жестом поправив воинский пояс. Она слышала за спиной торопливые шаги: подхватив юбки, за ней пыталась угнаться княгиня.

— С кем он? Неужто княжич возвращается? — спросила воительница, норовя за суровым голосом скрыть растерянность.

— С небольшим отрядом. Я шестерых насчитал, — тут же отозвался дозорный.

И в сердце Чеславы противной, скользкой землей шевельнулась тревога. Она обернулась посмотреть на встревоженную княгиню и заставила себя резко выдохнуть. Следовало успокоиться, никакой беды пока не приключилось.

Мало ли зачем пожаловал в терем наместник.

Вот именно — немного здесь у него сыщется дел.

— Спешат так, что того и гляди лошадей загонят, — решил поделиться шибко словохотливый кметь, и Чеслава шикнула на него, да было поздно.

Звенислава Вышатовна все услышала.

Для добрых вестей никто не станет загонять коней.

— Что приключилось?

Стыдно было признаться, но, услышав голос мужа, Чеслава почувствовала себя поспокойнее. Теперь ей было с кем разделить ношу.

Воевода Буривой шагал к ним, привычно опираясь на палку. Одной ноги у него не было — лишился в битве под стенами Нового града — и вместо нее в землю также упиралась деревяшка. Он давно уже привык и ходил быстро, умело, но сердце у Чеславы частенько щемило.

За воеводой веселой гурьбой семенили безусые мальчишки. Все клянчили, чтобы их еще поучили.

— А ну, ступайте отсюда! — прикрикнула на них Чеслава и, немного выждав, повернулась к мужу. — В терем торопится наместник Велемир.

Буривой моргнул, удивившись. И спросил ровно то же самое, что спросила воительница чуть раньше.

— С княжичем? Приключилось что?

— Если бы... — она мотнула головой.

Но долго гадать им не пришлось, и уже вскоре в воротах появился жеребец наместника. Конь и впрямь был вымотан, шея вся взмылена, грудь ходила ходуном. Соскочив на землю, наместник быстрым взглядом окинул подворье и заспешил к Чеславе.

Они уже стояли не втроем. Слухи про приезд Велемира разошлись быстро, и перед теремом столпилось немало людей.

— Государыня, — наместник поклонился сперва княгине, затем перевел взгляд на воительницу, которую князь Ярослав оставил старшей в дружине. Он облизал сухие губы и с трудом сглотнул. — Чеслава, — склонился уже едва-едва.

Та хмыкнула, но не подала виду и повнимательнее присмотрелась к Велемиру.

— Что приключилось? — спросила жестко, потому что устала гадать. — Отчего ты один? Без княжича?

У нее в голове не укладывалось, отчего бы наместнику, который должен был привечать Крутояра по пути в Новый град, вдруг втемяшилось загнать лошадей, спеша на Ладогу.

И тогда на лицо Велемира легла черная тень, и княгиня Звенислава шумно втянула воздух носом.

— Пропал княжич, — обронил наместник и опустил голову. Светлые волосы, которые тот подвизывал на лбу богато расшитой лентой, упали на лицо, скрыв его глаза.

— Как пропал? — переспросила Чеслава.

И осердилась.

— Чего ты тянешь? Сказывай, как было! — выкрикнула она, чтобы перебить гул и шум сторонних голосов.

— Идем в терем, — тихо отозвался Велемир. — Не для чужих ушей.

— Здесь нет чужих, — мотнула головой Чеслава и вновь поторопила наместника. — Говори же!

— На охоте пропал, — скрепя сердце обронил тот и оправил рубаху, выбившуюся поверх воинского пояса.

Аksamит так и норовил выскользнуть, как туго его ни прижимай.

— Крутояр Ярославич приехал когда, был лицом уж больно смур, — принялся рассказывать Велемир. — Решил задержаться, передохнуть. Услыхал от кого-то, что мы с дружиной на охоту через одну-другую седмицу собирались, и возжелал.

— Так рано же, — нахмурился молчавший воевода Буриной. — Самцы еще лютуют.

Наместник развел руками.

— Он — княжич. Я о том же ему толковал, но слово мое его не удержало, — Велемир стиснул кулаки и воскликнул в сердцах. — Лучше бы он на меня разгневался, лучше бы, как обещал, Ярославу Мстиславичу поклеп навел...

— Что?.. — выдохнула потрясенная Чеслава.

Она скользнула взглядом по лицам толпившихся вокруг и заскрипела зубами.

— Идем-ка в терем, наместник, — молвила строго и первой развернулась.

И тут же встретилась глазами с княгиней, которая стояла ни жива ни мертва. Лишь побелели пальцы, в которых она отчаянно стискивала края свиты.

— Мой сын не мог такого сказать, — заговорила Звенислава Вышатовна, когда вдвоем с воительницей зашагали они в терем.

Следом потянулся наместник Велемир, который не прекращал себя корить, воевода Буриной и еще несколько десятников, что остались на Ладоге.

Чеслава промолчала. В княгине говорило материнское сердце. Она любила сына и мысли допустить не могла, что тот так бесчестно себя повел.

Но все они видели, как злился Крутояр, узнав о решении отца не брать его в степь. Как против горла ему стала поездка в Новый град. Как он смел спорить с князем на глазах ближних, на глазах бояр. Как дерзил ему, проявлял горячий норов.

Может, еще весной Чеслава от слов Велемира отмахнулась бы, решив, что наместнику кто-то затуманил разум. Тогда ни за что ни поверила навету.

Но нынче...

Нынче все было иначе.

Поразмыслив, Чеслава направилась в гридницу. Говорить о княжеских делах следовало там. У воительницы не хватило духа остановить Звениславу Вышатовну, которая вошла последней.

Коли поразмыслить, то негоже было женщине появляться в гриднице, но...

Она сама здесь девкой нередко портки просиживала, и не ей княгиню выгонять.

— Сказывай, — молвила Чеслава, когда затворились за ними тяжелые двери, и посмотрела на наместника Велемира. — Стало быть, княжич Крутояр захотел побывать на ловле.

— Да, — мужчина прикрыл на мгновение глаза, словно говорил о чем-то мучительном. — Я многое бы отдал, чтобы поворотить время вспять да воспротивиться. Пусть бы он после и навел поклеп в глазах Ярослава Мстиславича.

Княгиня, так и замершая подле дверей, с тихим свистом втянула носом воздух, но ничего не сказала. Дружинники, которых Чеслава позвала в гридницу, переглянулись недоверчиво, а она сама потерла до красноты переносицу.

— Если бы да кабы, — буркнул воевода Буриной. — Ты лучше сказывай, как дальше было.

Наместник ошетинился, но вслух огрызнуться не посмел.

В чем-то Велемир был прав. Воевода — ему не указ. Он на Ладоге всего четыре зимы прожил, до того кровь проливал за другого князя. Но, однажды побывав в тереме, уже не смог уехать. Полюбил Чеславу... позвал замуж.

— На охоту княжич повелел весь отряд свой снарядить, чтобы никто обиду не затаил, — совладав с гневом, заговорил наместник. — Поутру меда хмельного хлебнули...

Услышав, Чеслава окаменела лицом и бросила быстрый взгляд на княгиню, которая бесценно привалилась спиной к теплому срубам.

Хмельной мед перед охотой? Хмельной мед в дальней дороге?!

— Ты не путаешь чего, наместник? — не сдержавшись, спросила Чеслава.

— Чего мне путать... — он обреченно махнул рукой. — Все одно — я княжича упустил, во всем повинен. Лучше уж расскажу, как было, без утайки. Двум смертям не бывать.

Суровые гридни вокруг воительницы закивали. Честность Велемира им пришлось по нраву.

— На охоте, как водится, мы разделились, с княжичем отправился десятник Вечеслав.

Сердце ёкнуло, и Чеслава мучительно покачала головой. Она чувствовала, что не обошлось без Вячко. Вновь.

— А другие из отряда княжича? — спросил Буриной. — Где ж они были?

— Разбрелись по лесу, — Велемир развел руками. — Никто и помыслить не мог, что худое случится. Мы условились о месте, где все соберемся, но к вечеру ни Крутояр Ярославич, ни десятник не воротились. Искали их всю ночь... на рассвете отправились в городище, собрали подмогу... каждую травинку перевернули, под каждый камень заглянули! Ничего. Как сквозь землю провалились.

— Ты уж помолчи, — сердито оборвала его Чеслава. — Попридержи язык.

Наместник покаянно вздохнул.

— Уже сам не мыслю, что болтаю. Собак пустили по следу, но дождь все смыл. Три дня в лесу мы рыскали, затем поехали по поселениям... Там тоже все обыскали. Но... — и он развел руками.

Чеслава, которой его вздохи порядком поднадоели, хмуро поглядела на наместника.

— Княжич из терема давно уехал, уж не сегодня завтра должен в Новом граде быть. Ты пошто ждал столько? Пошто тотчас не отправил на Ладогу гонца? — сурово потребовала она.

Наместник Велемир повесил голову, и буйные светлые кудри упали на лицо, закрыв глаза.

— Виноват я, — глухо выдохнул. — Княжич... он наговорил столько... я сперва мыслил, он забавлялся маленько... Что сам воротится, когда остынет, злость выплеснет, удаль молодецкую. Но как три дня минуло, понял, что ошибся.

— Вот оно что, — протянула Чеслава и поджала губы.

— Что наговорил мой сын? — княгиня с трудом отступила от стены и подошла ближе.

Плечи расправила так, что натянулась на груди нарядная свита. Голову держала высоко-высоко и смотрела грозно. Только и звенели протяжно в такт ее шагам нарядные усерязи на кике.

— Государыня, — Велемир осекся и сглотнул. — Я бы не сказывал, коли дозволишь. К чему бередить... Сперва бы княжича сыскать! — и он обернулся, скользнув взглядом по мужам и Чеславе.

Которая с наместником была согласна. Не нужно княгине этого знать.

— Нет, ты скажи, — Звенислава Вышатовна продолжала настаивать и так сверкнула глазами, когда воительница подалась к ней, чтобы остановить, что та отступила.

Когда сердилась, становилась княгиня удивительно схожа с мужем.

— Да он всякое болтал, — вновь замялся наместник и неуверенно повел приподнятыми плечами. — Про князя-батюшку... да про то, что он не сопливый юнец и не безусый отрок, чтобы во всем Ярославу Мстиславичу подчиняться. Что своя голова на плечах есть. Что душа не лежит ехать в Новый град...

— А ты что ему говорил, наместник? — Звенислава Вышатовна прищурилась.

— Я больше помалкивал, государыня, — хохотнул тот скованно. — Кто я такой, чтобы княжича вразумлять.

— Ты? — она вскинула светлые брови. — Ты сотник в дружине моего мужа. А сын мой — простой кметь. Мог бы и поучить его уму-разуму, раз болтал такое.

Обронила тихо и ступила в сторонку, скрестив на груди руки. Велемир глядел на нее, растерянно моргая, а потом отвернулся и дернул плечом. Не то раздраженно, не то нервно.

— А остальные из отряда княжича? — хмуро спросила Чеслава.

Надо было остановить княгиню. Напрасно она заставила Велемира повторять глупые, ребяческие речи Крутояра. Теперь-то князю непременно о них донесут.

— Одного секач подрал шибко, отлеживается, — сказал наместник и поморщился. — Еще трое ищут княжича, они на охоту не ходили. А двое — Тур да Мал — сгинули. С того дня их больше не видали.

— Что за леса у тебя такие, Велемир Храбрович? — спросил воевода Буриной с досадой. — Люди в них исчезают, словно серебро из кошелька. Даже после великой сечи такого не бывает, всегда отыскивают всех — и павших, и выживших.

— Сам об этом размышлял, — будто бы нехотя признался наместник.

— И что придумал?

— За такие мысли полагается платить виру, — Велемир скрипнул зубами. — Не стану ничего говорить, не хочу поклеп возводить да лжу множить.

— Говори, — рубанула коротко Чеслава. — Какая вира, какой поклеп — старший сын князя сгинул!

Не она одна вспомнила, как почти пять зим назад ночью исчезла из терема на Ладоге княжна Яромира. Сперва думали — сбежала накануне сватовства, не желая идти за нелюбимого. Думали, сбежала как раз с десятником Вечеславом.

Но оказалось, что стояли за той пропажей заговор и измена. Княжну похитили недруги, желая подмять под себя и Ладогу, и князя Ярослава Мстиславича.

— Мыслью, может, сговорились они, — горькие воспоминания Чеславы прервал заговоривший наместник. — И княжич не по своей воли с охоты не вернулся...

В ту ночь в тереме спали лишь дети да холопы, которые за столом не прислуживали. Чеслава собрала за длинным дубовым столом всех старших гридней, которые остались на Ладоге. Села за него и княгиня Звенислава Вышатовна.

Тут уж воительница сунулась ее остановить, но та и бровью не повела.

— Коли хочешь, пожалуйся на меня мужу, как воротится, — только и сказала.

После разговора с наместником Велемиром сделалась она тиха и задумчива. Ничего больше у него не спросила, лишь внимательно слушала и хмурилась.

Чеслава верховодить было непривычно, но что поделать, коли так велел князь. Пришлось ей первой заговорить, рассказать, какие дурные вести принес в терем наместник. Она волновалась, смущалась даже, а такое с ней случалось редко! И цеплялась за спокойный взгляд мужа, воеводы Бурирая, и тогда делалось ей легче.

— Что делать станем, дружина? — спросила она под конец и прочистила горло, откашлявшись.

Сидеть за столом было тошно. Не услаждали ни яства, ни хмельной мед. Еще утром радовалась Чеслава тому, какая тишь да гладь царила в тереме, а нынче...

Гридни сидели один мрачнее другого. Как ни пыталась Чеслава, а утаить дерзость княжича у нее не вышло. Пришлось рассказать, как пошел Крутойр против отцовской воли, задержался у наместника Велемира сверх всякой меры, еще и на охоту повелел раньше отправиться...

Никому в дружине такое по нраву не пришлось. Княжич уже — не дитя. Еще несколько зим, и начнет Ярослав Мстиславич потихоньку старшему сыну передавать свою власть. А такому сумасброду как ее передавать?! Как его во главе дружины поставить?! Чтобы дел наворотил, каких не разгрести потом?..

— Нужно князю воротиться в терем, — после длительного молчания заговорил один из мужей.

— Да как ему воротиться, а степь? А хазары? — тотчас посыпались слова против.

— А новые торговые союзы да пути? — прибавили третьи.

— Княжич, может, скоро сыщется, а вот Ярослав Мстиславич до весны уже с места не тронется, коли воротится нынче.

— Какой сыщется? Он пропал, десятник с ним был — пропал, двое кметей сгинули! Не в болото же они все провалились, помогай, Перун!

Чеслава слушала, не перебивая — так всегда делал князь. Лишь посматривала искоса на бледную Звениславу Вышатовну да про себя качала головой.

— Отправим гонца, — заключила она, когда высказались все, кто желал, и шум в просторной горнице утих. — Коли сыщется княжич, отправим следом второго. Но князь должен знать, что с сыном приключилось.

— Ох, я бы этого сына!.. — воскликнул кто-то в сердцах, и Чеслава одарила его хмурым взглядом.

Когда все поднялись из-за стола, снедь на котором осталась почти нетронутой, и разошлись, к воительнице подошла княгиня.

— Погоди, Чеслава. И ты, воевода, тоже, — она посмотрела на Бурирая, поджидавшего жену.

Звенислава Вышатовна дождалась, пока они останутся в горнице одни, и прогнала слуг, велев плотно притворить двери. И лишь тогда заговорила.

— Не ведаю, для чего да почему, но наместник Велемир лжет.

— Его твой муж ставил, княгиня, — помрачнев, напомнила Чеслава.

— Я не забывала, — но та лишь сильнее поджала бледные, обескровленные губы. — Но он лжет. Мой сын... княжич не мог произнести те слова, которые в его рот вложил наместник.

Чеслава не сдержала утомленного вздоха. Конечно, Звенислава Вышатовна была матерью, сердце у него болело за сына, но...

Но и у воительницы в душе притаилось сомнение. Да, княжича словно Леший подменил с весны, да, озлобился он на отца, разобиделся даже, но... но и впрямь было трудно помыслить, что Крутойр стал бы во всеуслышание князя хулить.

— Зачем бы ему лгать? — негромко спросил до того молчавший воевода Буриной. Звенислава Вышатовна в ответ лишь развела руками.

— Я не ведаю, — отозвалась она понуро. — Но Крутойяр ни словом, ни делом никогда не пошел бы против князя. Это я ведаю.

— На рассвете отправим Ярославу Мстиславичу гонца, — сказала Чеслава. — И за наместником Велемиром я нынче сама приглядывать стану.

Княгиня улыбнулась ей бледной улыбкой — тенью от себя прежней — и, благодаря, несильно сжала локоть. Затем она ушла, и воевода с воительницей остались вдвоем.

— Умаялась? — ласково спросил Буриной, когда покинули они, наконец, ладожский терем.

Чеслава привычно окоротила быстрый шаг, подлаживаясь под мужа, опиравшегося на палку.

— Не то слово, — призналась неожиданно для себя.

Раньше ни одна жалоба у нее бы не вырвалась, потому как почитала она их за слабость. Нынче, при муже, чувствовала воительница иначе. При муже можно и слабой побыть. Хоть малость.

Они пересекли подворье и неторопливо шли к избе.

— Ты все верно рассудила, — изловчившись, чтобы не упасть, Буриной тронул ее за локоть. — Князь будет доволен.

— Не будет... — шепотом выдохнула воительница. — Не будет.

Сердце ныло, предчувствуя беду.

Наместник II

На Стемида смотрело множество людей. Он чувствовал себя так, словно в одиночку отправился брать вражеский терем, и нынче с высоких стен целились в него дюжины стрел.

Ему — ладожскому воеводе, выдавшему больше битв, чем было зим — сделалось вдруг неловко! Захотелось втянуть голову в плечи, поежиться.

Он выпрямился и вскинул гордый подбородок.

Ну, уже нет. Этому не бывать!

— Стемид Ратмирович, сколько ж нам еще твоего князя дожидаться? Нехорошо так, нехорошо... — попенял новгородский посадник и глава веча, боярин Звекша Твердиславич.

Воевода щелкнул языком, проглотив упрек. Старый лис, с которым они спорили всякий раз, как созывалось вече, нынче он едва не лопался от счастья, потому как удалось стукнуть по носу ненавистного ладожского наместника.

Звекша Твердиславич распоряжался новгородской казной, и хотя Стемид не ловил его, знал наверняка, что хитрый боярин подворовывал, был нечист на руку.

— Не в чести мы у ладожского князя, — согласно запели другие голоса.

Коли и могло что объединить новгородских бояр, которые норовили каждый сцапать кусок больше, так это нелюбовь к Ярославу Мстиславичу.

— Нет ни уважения, ни порядка, — покивали третьи.

Стемид стиснул челюсть. Видит Перун, когда явится неведомо где застрявший по пути Крутояр, он возьмется за вожжи, и потом, коли захочет, пусть спрашивает с него ладожский князь!

Все мыслимые сроки давно вышли, а княжич так и не явился!

Уже трижды просил Стемид неуступчивых бояр отложить вече. Они — словно в насмешку — соглашались. На день, на два — не больше. Наместник скрипел зубами и принимался спрашивать вновь.

А что поделать?! Крутояр вез отцовскую волю, и без него не мог Стемид положить причитавшиеся ему на голосовании камни в нужную кучку. Как он станет выбирать, коли не знает, что задумал князь Ярослав?!

И вот нынче четвертый раз стоял он перед боярами да просил отложить. И чтоб на седмицу, не меньше.

Как хищники загоняют всегда самого слабого да одинокого, так и новгородские мужи нажились на Стемида всей сворой. Лишь ладожский конец городища стоял за своего наместника. Да где-то мелькало лицо сотника Станимира, с которым воевода сдружился за последние седмицы.

— Мы — вольные люди! — вече все никак не унималось. — Кем возомнил себя Ярослав Мстиславич?! Он нам не князь, не правитель! Чтобы мы делали, как его левой пятке вздумается.

— Довольно, — вытолкнул глухо Стемид, подняв остервеневший взгляд. — В пути всякое могло приключиться, уж вам ли об этом не знать.

Говорить длинные речи он был не обучен. Привык как-то все больше мечом да копьем управляться.

— И впрямь, — Звекша Твердиславич хмыкнул, глаза его злорадно блеснули.

— Что взять с робичича*... — ядовитый шепот донесся из глубины просторных палат.

У Стемида дыхание из грудины вышибло. Он схватился за меч, едва не вытащил его из ножен — благо были те перевязаны, и рукоять не поддалась. Вокруг поднялся страшный гул — такой же страшный, как произнесенное оскорбление.

— Кто это сказал?! — выплюнул Стемид с яростью, обведя взглядом толпу.

Вече проводилось в палатах детинца, и народу набилось так много, что все стояли, касаясь плечами соседа. Наместник и дюжина бояр занимали место на небольшом возвышении, чтобы их было видно и слышно. Люди говорили одновременно, по несколько человек за раз, и потому Стемид не мог угадать, кто оскорбил честь его князя. Всю Ладогу, считай.

— Нехорошо, нехорошо, — Звекша Твердиславич покачал головой. — Вот что, Стемид Ратиборович. Даем мы тебе пять дней сроку, а потом — не взыщи. С твоей волей али без нее, но мы свой выбор сделаем. Хочешь — клади камни, хочешь — нет.

Толпа согласно зашумела, а у наместника к глазам прилила кровь. Он смотрел на сытые, довольные боярские лица и видел ту лютую сечу четыре зимы назад, когда под стенами этого клятого города навсегда остались лежать его братья-дружинники. Его друзья. Его семья.

И такое зло взяло его, такая ненависть скрутила сердце, что он не сдержался, ступил вперед и, отстегнув от пояса ножны, поднял их над головой.

— Коли б не ладожский князь да ладожское войско, вы бы нынче пятки Рюрику лизали! Мы жизни свои отдали, пока вы по норам хоронились!

Стемид хотел прибавить «псы шелудивые» и уже раскрыл рот, но в последний миг опомнился и до крови прикусил язык, резко сомкнув челюсти.

Он и так сказал достаточно.

Сперва в палатах стояла мертвая тишина. Затем все очнулись, разом загомонили, но взбешенному наместнику было наплевать. Он глянул напоследок на Звекшу Твердиславича.

— Через пять дней, — выплюнул и, круто развернувшись на каблуках сапог, вылетел вон.

Снаружи уже темнело. Широким шагом пройдя по подворью, Стемид выхватил поводья у подбежавшего холопа и чуть ударил пятками жеребца. Он видел краем глаза, что следом из терема бросились дружинники, вместе с которыми он приехал в Новый Град из Ладоги, но сил говорить с ними у него нынче не было.

Промчавшись вихрем по городищу и распугав простой люд, наместник соскочил на землю напротив корчмы. Она стояла на распутье — на хлебном месте, как говорили. Мимо проходило две дороги, по одной проезжали уставшие путники, по другой — купцы.

Задумавшись об этом, Стемид невольно припомнил обещание, данное сотнику Станимиру. Посулил он ему землю тестя, новгородского воеводы Ратмира. Легко запомнить было имя, его самого по батюшке величали Ратмировичем.

Несмотря на тяжелое вече, наместник довольно хмыкнул. Обещание-то он сдержал! Хотя что-то ему удалось. Отстоял тот пустой кусок земли, уговорился уже обо всем. Собирался нынче и передать грамотку сотнику Станимиру... но не сбылось. Ништо, утром разыщет и отдаст.

Подавив вздох, наместник вошел в корчму. Внутри было тепло, просторно и чисто: стены выскоблены, балки — темные, отполированные руками и годами. Воздух тянул душистым хмелем, печёным хлебом и дымом.

Только переступил порог — разговоры затихли. Несколько человек обернулись. Сначала краем глаза, потом уж и в упор. Узнали. Кто-то шепнул что-то соседу, тот скривил рот. Кто-то приподнял бровь, кто-то медленнее поднес чарку к губам.

Стемид хмыкнул. Только шагнул внутрь и все понял по взглядам. И все равно прошел вперед — уверенно, не торопясь, вдоль скамей и мимо столов, за которыми стало очень тихо.

У дальней стены стоял свободный стол. Пустой, с лавкой из темного дерева. Он сел на нее, не сняв плаща, и вытянул ноги, прислонился плечом к стене.

К нему подошла молодая прислужница в чистом переднике и с покрытой головой. Поглядывая на него из-под опущенных ресниц, она спросила.

— Что изволите, господин?

— Медовухи. Крепкой. И побыстрее.

Девушка кивнула и поспешила исполнить приказ. Она вскоре вернулась, неся кувшин и чашу. Стемид сделал первый глоток, позволив напитку разогреть его изнутри. Он пил медленно, будто топил что-то в нем — гнев, память, сожаление.

К нему никто не осмелился подойти, хотя поглядывать не переставали. Правда, чем дольше он сидел, тем реже к нему оборачивались. Вскоре заиграли на гуслях, завели шебутную песню, которую подхватили почти за всеми столами, и о мрачном наместнике в самом углу и вовсе позабыли.

Стемид же осушил два кувшина, но утопить печаль все никак не выходило. Теперь он сердился сам на себя, что не сдержал языка. Пусть и был дюжину раз прав! А все одно — через пять дней придется перед боярами повиниться. Его князь в Новый град отправил, чтобы он правил от его имени. А не чтобы разругался в пух и прах с посадником, вече и дружиной.

Стемид не удивился, когда в какой-то момент открылась дверь, и в корчму вошел мальчишка-отрок. Его пасынок Ждан, сын Рогнеды Некрасовны от первого мужа, которого убили давным-давно.

Оглядевшись, темноволосый мальчишка, похожий на мать, увидел его и, замаявшись, шагнул к столу. Голова у Стемида чуть отяжелела, но в терем возвращаться не хотелось.

— Мать прислала? — спросил, оглядев Ждана с ног до головы.

Тот замер подле стола, смотря на наместника глазами Рогнеды, и кивнул.

Стемид хмыкнул и махнул рукой.

— Ступай домой. Скажи, я припозднюсь.

Но Ждан не ушел. Быстро посмотрев по сторонам, склонился к нему и шепнул.

— От наместника Велемира гонец прибыл. Матушка его приветила, но он сказал, что лишь с тобой будет говорить.

— От наместника Велемира?..

Стемид нахмурился и тяжелой ладонью оперся о лавку. Он бросил на стол несколько монеток и направился прочь из корчмы. Несмотря на два кувшина крепкой медовухи, на ногах стоял он твердо и ступал прямо. Ждан, сперва дернувшийся, чтобы подставить плечо, устыдился и отошёл.

Вдвоем они выбрались на воздух. Стемид вдохнул полной грудью и поднял взгляд на бескрайнее темное небо, на котором особенно ярко сияли звезды. Прислужник подвел к нему коня, но забираться в седло наместник не стал. От корчмы до ладожского конца городища было недалеко, и он хотел прочистить голову, прежде чем станет говорить с посланником от Велемира.

— Много их приехало? — чуть погодя спросил у шагнувшего рядом пасынка.

— Трое.

— И княжич не с ними?

Стемид и сам знал ответ. Но все равно нехорошо защемило в груди, когда Ждан мотнул головой.

Мальчишка же замаялся, словно хотел сказать что-то еще, но не решался. Он знал с боярскими детьми и сыновьями новоградских дружинников. И многое от них слышал. Многое, что не пришлось бы по нраву отцу, потому Ждан и смолчал.

Когда же добрались они до терема, и Стемид шагнул в горницу, где потчевали посланников от Велемира, то узнал он, что княжич Крутояр сгинул где-то в лесу.

Лишь пятеро знали, о чем велась беседа в тот вечер: сам наместник, его жена да трое гонцов. Стемид прогнал из горницы всех слуг и велел не трепать попусту языками, но уже к полудню следующего дня сперва ладожский конец, а затем и все городище жужжало как потревоженный улей. И даже распоследний пьяница в захудалой корчме слышал, что княжич Крутояр, сын Ярослава Мстиславича, бесследно сгинул.

От кого пошли слухи — было не дознаться. Сохранять такие вести втайне получалось редко, но Стемид надеялся хоть на денек передышки.

Но нет.

Как раз к полудню в ладожский конец пожаловали люди от Звекши Твердиславича. Сам боярин явиться не соизволил, верно, наместник Стемид Ратмирович был для него мелковат.

Он выслушал посланников молча и прогнал взащей. Коли Звекша Твердиславич потолковать чаёт, пусть сам является. А Стемид ему не мальчишка, чтобы бегать по первому зову.

Добро еще, не холопов к нему боярин отправил.

С самого утра в тереме наместника было тихо. Слуги ходили вдоль стен, понутив головы, пока Стемид пытался дознаться, кто пустил по городищу слух о пропаже княжича. Но дознаться не вышло, и тогда он созвал в гридницу часть ладожской дружины, которую привез с собой в Новый град.

— Отчего наместник Велемир сам не приехал? — было первым, что спросили у трех гонцов.

— Он на Ладогу отправился черные вести передать.

— До Нового Града на пару деньков ближе. Примчался бы быстрее, — ощерился Стемид, дернув щекой, но посланники лишь развели руками.

Дело выходило прескверным. Князь — в степи, Ладога без своего господина, старший сын и наследник престола — неведомо где. Как и часть отряда, что его сопровождал.

— Отправимся искать, — поразмыслив, рассудил Стемид и посмотрел на гонцов с нехорошим прищуром. — Что про кметя Ратшу, которого секач подрал, говорят лекари ваши? Сможет указать на место, где княжича видал?

Посланники наместника Велемира переглянулись.

— Кто ж его нынче знает, воевода, — отозвался один из них. — Когда уезжали, был жив. Но раны у него страшные, лютые...

— Что как девка ноешь? — одернул его Стемид. — Справный воин любые раны переживет, — отрезал он и велел поторапливаться, собирать людей. И сам вышел на подворье, чтобы за всем проследить.

Он спешил, хотел выдвинуться в тот же вечер, потому что и так уже много времени упустили. С наместником Велемиром следовало потолковать особо, напрасно он на Ладогу кинулся, а не в Новый Град. Пошел бы этим путем, и Стемид смог бы отправиться на поиски княжича на несколько дней раньше!

Когда перевалило за полдень, из городища в терем воротилась Рогнеда. Стемид как раз отбирал дружинников, которых возьмет с собой, когда на подворье показалась жена, сопровождаемая девками-прислужницами и няньками, одна из которых несла на руках замаявшуюся девчушку, их дочь Доброгневу.

— Ты зачем терем покидала? — недовольно спросил наместник, когда жена поднялась на крыльцо, и он с ней поравнялся. — Еще и с Гнедкой.

Рогнеда не повела и бровью, почувствовав раздражение мужа. Она махнула рукой, велев столпившимся позади нее спутницам зайти в терем, и подошла поближе к Стемиду, подняла прямой, открытый взор.

— Я ходила на торг, послушать, что в городище говорят про княжича, — тихо обронила, едва разжимая губы.

Гнев Стемида малость поутих, но на жену он глядел по-прежнему недовольно. Рогнеда, которая прежде была княжной, оставалась такой же своевольной, как и семнадцать зим назад, когда он впервые увидел ее в гриднице ладожского терема...

— И что говорят? — спросил он, нарочито небрежно скривив губы.

Рогнеда повела головой, поправила свиту с меховой опушкой, отчего длинные нити жемчужных рясен скользнули на плечи. Лучи солнца запутались в них, ослепив на мгновение,

и Стемид моргнул, смотря на красавицу-жену. Темные, изогнутые коромыслом брови, алые губы, взгляд с поволокой и пронзительные глубокие глаза в обрамлении пушистых, черных ресниц. Сердце гулко ударилось о грудину, как бывало всякий раз, когда взор падал на Рогнеду.

Наместнику пришлось тряхнуть головой и сурово нахмуриться.

Вместо ответа Рогнеда сжала его локоть и сказала.

— Тебе бы остаться в Новом граде...

— Ты что?! — яростным шепотом воскликнул он. — А княжича кто искать будет?!

— Люди твои, — настойчиво произнесла Рогнеда, не дрогнув и не отведя взгляда. — Не напрасно боярин Звекша Твердиславич за тобой присылал. Вече через четыре дня. Коли ты не поспеешь воротиться...

— Не успею, — перебил ее наместник. — Знамо дело, не успею. Не ворочусь, пока княжича не отыщу.

— Тебя не будет — и у бояр руки развяжутся. За ними на вече присмотреть будет некому! — Рогнеда не унималась. — Тебе князь Новый град вверил...

— Помолчи, женщина! — не сдержавшись, прикрикнул Стемид.

На них обернулись те, кто стоял неподалеку. Рогнеда вскинулась, плотно поджала губы и смерила мужа пылающим взглядом. Затем вздернула подбородок, круто развернулась — длинные жемчужные нити прошлись по груди Стемида — и скрылась в тереме.

Застонав, наместник посмотрел ей вслед, выругался и стиснул тяжелый кулак.

— Господин! — но зов отвлек его.

Недовольно поведя плечами, Стемид сошел с крыльца, и каждый шаг сочился яростным негодованием. Которое сменилось настороженным удивлением, когда он понял, что окликнули его, потому как на подворье показался новоградский сотник Станимир. Подле него стояли три кмета с нашивками на плащах, говорящих о том, что служили они в дружине городища.

— Наслышан о вашей беде, — сотник сразу заговорил о важном. — И что отправляешься ты искать Крутояра Ярославича.

Стемид лишь вздернул брови. Слухи здесь и впрямь разлетались быстрее ветра.

— Примешь ли нас в свой отряд, наместник? — спросил Станимир без улыбки.

— Что?.. — изумился он, вглядываясь в открытое, решительное лицо сотника.

— Хотим подсобить. Знаю, не поверишь, но не все в Новом Граде позабыли о том, что сделал для нас Ярослав Мстиславич, — тихо обронил тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.